

АВТОР, КНИГИ КОТОРОГО ПРОНИКАЮТ В САМОЕ СЕРДЦЕ!

ТАТЬЯНА КОГАН

ЧУЖИЕ
ИГРЫ

Клуб для избранных

Чужие игры. Остросюжетные романы Т. Коган

Татьяна Коган

Клуб для избранных

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Коган Т. В.

Клуб для избранных / Т. В. Коган — «Эксмо», 2016 — (Чужие игры. Острсюжетные романы Т. Коган)

ISBN 978-5-699-93141-5

В отличие от большинства пациентов Леся находилась в психиатрической клинике по доброй воле. Когда ей немного подлечат нервы, она вернется к обычной жизни... В день ее рождения сотрудник отца Виктор, давно оказывавший Лесе знаки внимания, на денек забрал ее из больницы и сделал предложение. Леся приняла его – она не любила Виктора, но он был надежным человеком и по-настоящему заботился о ней. С ним ей будет хорошо... Почему только после того, как их в тот же день расписали и девушка вернулась в клинику, и Виктор, и отец перестали отвечать на ее звонки? А лечащий врач объявил о начале новой терапии, после которой Леся ничего не помнила, но обнаруживала на своем теле странные следы? Не понимая до конца, что она делает, девушка решилась на побег...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-93141-5

© Коган Т. В., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

Воскресенье	6
Воскресенье	16
Понедельник	22
Понедельник	34
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Татьяна Коган

Клуб для избранных

© Коган Т.В., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Из дневника В.

– Убей его! Ну же, детка! – Голос звенел в моей голове дребезжащей пилой, кромсал изнутри мой мозг. Я почти физически ощущала, как бьются о черепную коробку кровавые ошметки того, что я некогда считала здоровым смыслом и твердой волей. – Убей его, и все будет кончено. Ты же знаешь, как должна поступить. Ты же все знаешь. Ты ведь умница, а?

Разумеется, я умница. Всегда ею была. Иначе не оказалась бы сейчас здесь, с камнем в руке. Это был обычный булыжник, наполовину ушедший в землю. Я с усилием выковыряла его из почвы, сломав ноготь и порезавшись об острый край. И теперь сжимала его все сильнее и сильнее, наслаждаясь болью в сведенных судорогой пальцах. Я цеплялась за эту боль как за единственный спасительный ориентир, единственную возможность не утратить себя, сохранить то немногое от прежнего «я», что во мне еще оставалось. Или мне так хотелось думать? Может быть, я уже давно стала кем-то другим, но еще не успела с ним как следует познакомиться?

Скорчившийся на земле человек пошевелился, и я мгновенно ощутила, как прилила к лицу горячая, обжигающая кровь. Времени для размышлений не оставалось. Человек был сильным, гораздо сильнее меня. Каждая секунда промедления означала угрозу для моей жизни. Я скользнула глазами по его мощной шее и остановила взгляд на затылке. Один быстрый удар. Собрать всю силу, замахнуться. Перестать думать и провалиться в черноту, чтобы мгновение спустя выпрыгнуть на новом уровне.

Я зажмурилась до рези в глазах, но снова широко распахнула их, отвела руку назад и резко впечатала булыжник в густые светлые волосы на его макушке.

Воскресенье

Бостон, Массачусетс

Вечер был холодный и пасмурный. Промозглый ветер пронизывал до костей, низкое небо застилали рваные тучи, и Бостон казался серым и неприветливым.

Такси свернуло на улицу Чарльз, а потом на Ревере.

– У семьдесят второго номера, пожалуйста, – попросил водителя пассажир.

Машина проехала еще немного по залатанной разноцветным асфальтом мостовой и остановилась у длинного старого пятиэтажного дома с черными ставнями и нависающими над тротуаром декоративными металлическими балконами.

– Сколько с меня?

Майк Нолан достал из кармана две двадцатидолларовые банкноты и протянул таксисту. Затем взял большую спортивную сумку и вынырнул из теплого салона в неуютную сырость улицы. Он какое-то время постоял, подняв воротник легкой куртки, слабо защищавшей от ледяных порывов, и шагнул по ступеням, ведущим к высокой подъездной двери.

Вставил ключ в замок – тот открылся не сразу, как и предупреждал Бобби. Майк приподнял ключ вверх прямо в скважине и толкнул чуть сильнее. Замок поддался, впустив его в неухоженную, пропахшую старостью прихожую. Снова ступени и вторая дверь, с замком которой следовало провернуть ту же нехитрую манипуляцию.

Узкая скрипучая лестница кособоко прижималась к стене. Деревянные ступени отзывались под ботинками, белая краска на перилах давно высохла и растрескалась. Майк поднялся на третий этаж.

Квартира была небольшая, нестандартной планировки. Сразу из прихожей начиналась пустая квадратная комната, за нею еще одна, поменьше, откуда широкая арка со стеклянной дверью вела в спальню. Из мебели здесь имелось только два стула и раскладной стол. На полу, экраном вниз, лежал плазменный телевизор. В углу спальни одиноко белел матрас и две подушки.

– Я квартиру купил давно, но пока не обустроился, – объяснил Бобби неделю назад, вручая Майку ключи. – Но перекаптоваться какое-то время подойдет. Холодильник, микроволновка – все есть. До магазина продуктового, правда, далеко, но, думаю, ты разберешься.

С Бобби они не то чтобы дружили – скорее поддерживали приятельские отношения в память о детстве. Долгое время они жили на одной улице, где помимо них двоих – так сложилось – больше не было ни одного их ровесника. Вместе ходили в школу, вместе играли после уроков. Не то чтобы им было жутко интересно друг с другом, но отсутствие альтернативы сблизит кого угодно. После школы их дороги разошлись: всезнайка Бобби поступил в университет на какую-то шибоко модную специальность – риск-менеджмент или что-то в этом роде, а Майк пошел в армию по контракту. Они иногда пересекались, когда приезжали навестить родителей в их маленький одноэтажный пригород, рассказывали новости, делились планами. У Бобби всегда имелись планы. Он был амбициозным парнем. Все просчитывал, раскладывал по полочкам.

– Меня уже пригласили на работу две крупные компании, так что сразу после учебы меня ждет теплое местечко. Поработаю усердно пару лет, потихоньку буду откладывать, инвестировать в высокие технологии – это сейчас особенно актуально наряду с фармацевтикой. Потом пойду на повышение. Еще через пару лет куплю квартиру или дом, потом озабочусь поисками жены...

Бобби всегда горел энтузиазмом и со стороны мог показаться оторванным от реальности идеалистом в розовых очках. У него и внешность была подходящая: полный, румяный, щекастый, он напоминал веселого поросенка. Многие конкуренты недооценивали его способности,

пойдя на поводу у первого впечатления. Большинство из них впоследствии сильно недоумевали, когда веселый поросенок проявлял волчью хватку и наступал им на горло.

– А ты как, а? Останешься в армии? Или есть другие идеи, а? – обычно спрашивал Бобби, весь вечер потягивая одну несчастную порцию виски за стойкой бара.

Идей у Майка никаких не имелось, но он маскировал их отсутствие общими фразами, лишь бы не видеть наполовину удивленный, наполовину сочувствующий взгляд товарища. Наверное, он в чем-то завидовал Бобби. Этой его уверенности в выбранном пути, отсутствию колебаний. Приятель знал, чего хочет, и двигался в правильном направлении, добиваясь намеченных целей. Его жизнь, подобно учебнику математики, имела все необходимые формулы, решения и ответы. Свою же собственную судьбу Майк сравнивал с вырванной страницей из длинного эссе по философии: мыслей много, но ни одной внятной. И вообще непонятно, с чего все началось и к чему приведет.

Служба в армии не была его мечтой, хотя определенные прелести в ней присутствовали. Например, плотный график, порой доводящий до полного физического изнеможения. Существовать намного проще, когда все твои желания сводятся к одному: выспаться по-нормальному. На изматывающую рефлекссию нет ни времени, ни сил – именно это ему и требовалось. Не размышлять, не думать о жизни. Не чувствовать собственную никчемность.

Да, на службе он не летал от счастья, но и не горевал – это уж точно. А потом его оттуда поперли. И все стало гораздо хуже.

Крохотная кухонька располагалась слева от входной двери. Майк достал из шкафа стакан, налил из-под крана воды и жадно выпил. Вытянутое оконце выходило в образованный четырьмя стенами колодец. Соседние дома прилегали друг к другу почти вплотную. На выступающем козырьке над окном напротив, этажом ниже, валялись какие-то тряпки и осколки стекла. По серой бетонной стене поднималась ржавая пожарная лестница и исчезала где-то за высоким сплошным забором, ограждавшим соседскую крышу. Такой забор скорее подходил для закрытой фермы, где перевоспитывают нарушивших закон тинейджеров...

Майк посмотрел на часы – без четверти восемь. Бобби обмолвился, что Интернет в квартире пока не провел, так что «сам придумай, чем себя развлечь». Он хотел тогда сказать, что для развлечений требуются деньги, с которыми, мягко говоря, напряженка. Но, разумеется, не сказал. Майк не привык жаловаться. Его проблемы – это его проблемы, и ничьи больше.

Он зашел в ванную и долго изучал себя в зеркале. Викки, подружка, с которой они встречались почти два года и которая сбежала, когда у него начались трудности, говорила, что он похож на Колина Фаррела, хотя он сам, хоть ты тресни, не видел ничего общего. Майк пристальнее всмотрелся в свое отражение: коротко стриженные темные волосы, глаза невнятного, зеленовато-коричневого цвета, который Викки красиво называла hazel – ореховый. Прямые, лишенные изгиба брови, открытый лоб. Его можно было считать привлекательным, если бы не застывшее агрессивно-усталое выражение на лице.

Он по-быстрому принял душ и вернулся в комнату, достал из спортивной сумки чистое белье. Полет занял всего два часа, а он вспотел так, будто десятку пробежал. Чертовы нервы. Раньше он так не волновался. И из-за чего? Из-за какой-то работы!

Майк переоделся, достал из куртки шоколадный батончик, к которым питал слабость. Пододвинул стул и сел у окна, уставившись в вечерние сумерки и задумчиво жуя. Окна спальни глядели на тихую улицу и дом из красного кирпича. В этом районе, носившем название Бикон Хилл, большинство зданий копировали одно другое. У Бобби отличный вкус на недвижимость – Бикон Хилл, возвышающийся над первым общественным парком страны и Капитолием штата, считается самым престижным районом города. Это излюбленное место политиков и общественных деятелей всех сортов.

– В соседнем доме живет Джон Керри, – говорил Бобби с гордостью, словно этот факт каким-то образом возвеличивал его самого. – Разумеется, не всегда, только когда приезжает в город. Вниз по улице сразу полицейский патруль ставят.

До сегодняшнего дня Майк навещался в Бостон лишь однажды, и то всего на пару дней. Если ему повезет, то он задержится здесь на год, а то и на два. Завтра у него собеседование, и он собирался произвести на работодателей максимально приятное впечатление.

Последний год ему здорово не везло, он перебивался временными подработками и почти впал в отчаяние. Бывшему военному несложно найти работу, но у Майка имелись «особые обстоятельства». Из-за этих обстоятельств его пинали отовсюду, как бродячего пса, не давая шансов показать себя с лучшей стороны. За последние три месяца его даже ни разу не позвали на собеседование, отчего приглашение в Бостон выглядело настоящей удачей.

«Особые обстоятельства» потенциальных работодателей не смутили, первичное собеседование по телефону прошло успешно, и Майка попросили приехать лично. Упускать такой шанс он не собирался. Так что, если уж начистоту, волновался он по вполне понятным причинам. Вовсе не из-за «какой-то работы». А из-за работы, которая могла выдернуть его из затянувшейся черной полосы.

Уже совсем стемнело. В квартире было сыро и неуютно; оконные рамы дребезжали под напором ветра. Майк представил, как будет шататься по пустым комнатам до полуночи, не зная, чем себя занять, и поспешно рванул в коридор, накинул куртку и выбежал на улицу.

Местности он не знал, но, сидя в такси, успел приметить пару баров. Он повернул налево и бодро зашагал вниз с холма к ближайшему перекрестку.

Колокольчик над дверью громко звякнул, впуская в помещение нового посетителя. В пабе – маленьком и тесном, как беличье дупло, – пахло глинтвейном и специями. Несколько пар разместились за квадратными столиками вдоль стен, играла тихая музыка. Майк уселся неподалеку от барной стойки.

Красивые парень и девушка о чем-то оживленно говорили по-французски. Она – хрупкая, с волнистыми волосами до плеч, стильные очки на тонком прямом носу, яркий шарф вокруг шеи. Он – широкоплечий, в модном пиджаке, двигается медленно и будто небрежно. Перед ними стояли две большие тарелки с чем-то немислимо ароматным. Майк невольно втянул носом аппетитный запах и почувствовал, как желудок скрутило от голода.

Он изучил меню, выбрал стейк с гарниром и попросил воды. Все сложится хорошо. Майк не верил во вселенскую справедливость, благодаря которой неудачнику однажды воздастся, но знал, что не может человеку постоянно не везти. Хотя бы по закону случайностей, рано или поздно с ним обязательно произойдет что-то хорошее. Логично?

Паб располагался в цокольном этаже, в узких длинных оконцах над потолком мельтешили ноги шагавших мимо прохожих. Несмотря на не располагающую к прогулкам погоду, по улице сновало полно народу. Иногда кто-то останавливался напротив и с любопытством изучал обстановку в светящемся окне паба, будто решая – заглянуть внутрь или продолжить поиски. Иногда Майк ловил их смущенные взгляды – зрители тушевались, словно застигнутые за чем-то постыдным, и торопливо двигались дальше.

Когда принесли стейк, на десять минут Нолан забыл обо всем на свете, наслаждаясь умело приготовленным, поджаренным до румяной корочки мясом. И даже беспокойство о завтрашней встрече с работодателем потускнело, отступило на задний план. Ни одна драма не выдерживает конкуренции с поданной вовремя пищей! Настроение заметно улучшилось, и Майк впервые за последние месяцы ощутил прилив неподдельного оптимизма. В самом деле, с чего бы ему, молодому и здоровому парню, пенять на судьбу? Неприятности случаются с каждым, важно с достоинством их пережить.

Привлекательная молоденькая официантка у стойки многозначительно улыбалась. Совсем как Викки, когда они впервые встретились. Только Викки вела себя наглее и паялилась

на него так бесцеремонно, словно оплатила приват-стриптизера – хотя именно она в тот вечер танцевала у шеста.

Он жестом попросил официантку принести счет. Достал из бумажника карточку, сунул в книжку.

Викки вообще смотрела на людей так, будто все они ей должны.

– Простите, транзакция отклонена, – извиняющимся тоном промямлила официантка, отдавая ему карточку.

Настроение мгновенно испортилось. Майк достал другую:

– Попробуйте эту.

Он напряженно замер, ожидая, что и вторая кредитка не сработает. К счастью, аппарат пискнул, подтверждая успешную операцию. Официантка оторвала чек:

– Надеемся снова вас увидеть!

Сам же Майк надеялся на то, что скоро ему не придется гадать каждый раз, хватит ли средств на счет, когда он решит поужинать.

На улице стало еще холоднее. Ветер все не стихал, норовя пробраться под одежду, свистел и метался по узким улочкам Бикон Хилл. В синеющих сумерках мощенные красным кирпичом тротуары сливались с красным кирпичом зданий, октаэдры старинных фонарей источали в пространство рассеянное сияние, придавая окружающей обстановке загадочный, почти мистический вид.

Зазевавшийся пешеход задел Майка плечом и долго рассыпался в извинениях.

– Все в порядке, – отмахнулся он и ускорил шаг.

Викки подошла к нему первой. Вынула из держателя салфетку и написала свой номер. Майку такое внимание польстило, тем более что девчонка была яркая: короткие черные волосы, длинная шея, стройная фигурка. И глаза – нереально зеленые, вполлица. Он и не понял сперва, что это линзы.

– Позвонишь, когда будет желание повеселиться, – без прелюдий сообщила Викки.

Майк достал мобильный и тут же позвонил ей. Она ответила.

– У меня есть желание повеселиться. Когда заканчивается твоя смена? – спросил он в трубку, глядя на Викки в упор.

Не говоря ни слова, девушка повернулась к нему спиной, подошла к управляющему клубом и что-то прошептала ему на ухо. Тот скривился и неохотно кивнул.

Викки вернулась к столу, где сидел Майк:

– Моя смена уже закончилась.

Он поднялся по взбегающей на холм Ревере-стрит, долго колупался с замком – ключ никак не хотел поворачиваться. В квартире висела унылая тишина, которая бывает лишь в необжитых или покинутых помещениях. Майк умылся, сбросил кроссовки и, не раздеваясь, повалился на матрас. Какое-то время он лежал, заложив руки за голову и бессмысленно глядя в потолок, потом вспомнил, что не завел будильник. В прихожей он достал телефон из кармана куртки, вместе с ним оттуда выпал сложенный вдвое белый конверт.

Майк машинально поднял его, вернулся в спальню и включил единственное настенное бра. Обычный белый конверт, без надписи, запечатанный.

Он аккуратно разорвал бумагу. На чистом листе были напечатаны два предложения:

«Жду на пересечении Парк-стрит и Тремонт. Все объясню».

Майк перечитал сообщение несколько раз, пытаясь понять, что бы это значило. Когда он выходил из такси, никакого конверта в кармане не было, это точно. Он помнил, потому что доставал наличные. Значит, конверт подложили позже. В баре мимо него проходили несколько посетителей, да официантка постоянно крутилась. Чисто гипотетически они вполне могли подсунуть конверт в висевшую на стуле куртку. Да только зачем? Если это розыгрыш, то

довольно нелепый. Или это пухленькая официантка флиртвала с ним в Виккином стиле? Прямо дежавю.

Майк повертел в руках листок. Вероятнее всего, кто-то просто ошибся адресатом. Он скомкал бумагу и запульнул ее в распахнутые двери арки. Комок стукнулся о стенку и отскочил в темноту. Нолан выключил светильник и закрыл глаза.

Он успел задремать, когда краем уха уловил шум на лестничной клетке. Стены тонкие, слышимость отличная. Он снова прикрыл веки, но ненадолго – расслабиться не получилось. Что-то в движении на лестнице раздражало его, как будто оно не укладывалось в стандартную схему, выбивалось из привычных звуков.

Майк сел на матрасе и прислушался. Еле уловимый скрип ступеньки, тишина. Снова скрип, и снова тишина. Как будто кто-то осторожно поднимался по лестнице, стараясь оставаться незамеченным, выдерживая паузы. Любой другой не обратил бы на это внимания, но военная служба научила Нолана замечать малейшие несоответствия в повседневном сценарии.

– Будьте бдительны и доверяйте интуиции. Интуиция срабатывает быстрее мозга. Порой это ваш единственный шанс выжить, – любил повторять их инструктор по строевой подготовке, гоня бойцов по плацу.

По большинству вопросов Майк расходился с ним во мнениях (за что ему не раз влетало), но в том конкретном аспекте соглашался. Если какая-то мысль назойливо дребезжит в подсознании, лучше бы ее не игнорировать. Девяносто девять процентов из ста, что это окажется глупостью и игрой воображения. Но ведь остается еще один процент, от которого может зависеть чья-то жизнь.

Майк потянулся за телефоном и посмотрел время: 00.09.

Он надел кроссовки и прошел на кухню, не зажигая света. Постоял, стараясь уловить звуки за дверью, но ничего не услышал. Вероятно, какая-то парочка поднималась вверх, то и дело останавливаясь для поцелуев, а он уже нафантазировал бог весть что. Он взял стакан, чтобы налить воды, и уже положил пальцы на вентиль крана, когда входной замок тихо, но отчетливо щелкнул.

Повинуясь инстинкту, Нолан прижался к стене. В полумраке прихожей обтянутая черной перчаткой ладонь легла на косяк двери. Темный мужской силуэт плавно просочился в квартиру и замер, изучая обстановку. В правой руке незнакомец держал пистолет с красноречиво удлиненным дулом.

Нолан моментально подобрался. Нервы сжались пружиной, сердце тяжело застучало, а кисти невольно сложились в кулаки. Размышлять о причинах происходящего не было времени. Кто, зачем, почему – стало абсолютно неважным. Все эмоции исчезли; инстинкт самосохранения перекрыл их, как перекрывает полноводную реку бетонная дамба.

Силуэт в прихожей покачнулся и двинулся в комнату. У Нолана имелось два варианта – вступить в схватку или сбежать. Будь противник безоружен или хотя бы с ножом, Майк выбрал бы первое. Но кидаться с голыми руками на пистолет – фишка голливудских сценаристов. Майк отлично понимал, чем кончится дело в реальности, – он не успеет преодолеть и половину расстояния, отделявшего его от вооруженного бандита, – тот застрелит его, как неповоротливую индюшку.

Секунды растянулись; время, замедлившись, стало почти осязаемым. Выбежать в дверь Майк не успеет: из спальни она хорошо просматривается, бандиту достаточно будет обернуться и пальнуть по прямой. Его взгляд упал на кухонное окно. Отодвинуть задвижку, резким движением поднять стекло вверх и прыгнуть на выступающий козырек дома напротив. Сколько там? Метра два? Нужно хорошо оттолкнуться, иначе рухнешь вниз, на дно колодца – и тогда, считай, конец. Он окажется в ловушке.

Дальше медлить нельзя. Через пару секунд убийца убедится, что в комнатах никого нет, и пойдет проверять туалет с кухней.

Майк бросился к окну и дернул раму с такой силой, что чуть не полетели щепки. Закинул ногу на подоконник, схватился руками за края. Глухой стремительный шлепок ударил в стену в каком-то сантиметре от его уха. Краем глаза Майк увидел оставленную пулей дырку и, согнувшись в три погибели, что есть силы оттолкнулся. Вторая пуля прошла раму как раз в том месте, где полсекунды назад находилась его голова.

Подожвы с грохотом опустились на металлический выступ. Давя ногами осколки стекла, он кинулся вперед, к ползущей по стене пожарной лестнице, и едва не упал, споткнувшись о валявшееся под ногами тряпье. Он вцепился пальцами в железную перекладину и подтянулся, проворно вскарабкавшись наверх. Больше всего ему хотелось оглянуться, чтобы оценить ситуацию, но он понимал, что сейчас секундная замешка может стоить ему жизни. Он спиной чувствовал нацеленный на себя ствол. Пуля выбила искры из ржавого прута лестницы. Майк собрал все силы, напряг плечи и перевалился через деревянное ограждение.

Влажный порыв ветра ударил его по лицу. Он огляделся, прикидывая, в какую сторону бежать. Со всех сторон, куда хватало взгляда, простирались многоярусные крыши, мозаичное полотно которых бороздили ущелья переулков. Справа зеленело, подсвеченное уличными фонарями, вычурное высокое здание, пропасть перед ним была непреодолима. Майк побежал налево, туда, где крыши домов находились на уровне пятого этажа и почти вплотную прилегали друг к другу.

Он миновал кокетливую белую оградку на открытой площадке, обогнул маленькие деревца тиса в квадратных кадках, перескочил на следующую крышу и заметил будку с дверью, ведущей внутрь дома. Он подергал ручку, но запертый замок не поддался. Майк повертел головой, гадая, как лучше спуститься на землю, и заметил фигуру преследователя. Нолан успел спрятаться за угол будки, когда раздался очередной хлопок.

На мгновение ему померещилось, что он на военной базе, проходит симуляцию боя с тренировочными патронами. Патрон состоит из укороченной гильзы с капсулой пластикового поршня, пули проникающей способности не имеют, просто плющатся лепестками по насечкам. Ему нужно преодолеть последнее препятствие и схватить красный флажок, чтобы с успехом завершить операцию.

Иллюзия казалась столь реалистичной, что Нолан встал истуканом, утратив ориентацию в пространстве.

Если это симуляция, то почему у него нет оружия? И где остальная команда?

Острая боль резанула бедро, моментально отрезвив его.

Черт возьми, это происходит на самом деле. Долбанный псих гонится за ним с пистолетом наперевес и, похоже, не собирается сдаваться, пока не убьет его!

Майк дернулся в сторону, падая на руки и кувыркаясь. Он перекатился за печную трубу, прыгнул на этаж ниже и припустил что есть духу, игнорируя боль в ноге. Он петлял, как заяц, не запоминая дороги, и спустя десять минут понял, что оторвался. Сердце выскакивало из горла, во рту появился горьковатый сухой привкус. Майк пригнулся за спинкой оставленного кем-то лежака и всмотрелся в темноту. Никого.

Он заметил пожарную лестницу, зигзагом прилипшую к стене, спустился по ней вниз, прыгнув на землю. Пустынная улица тонула во мраке, хромированные бамперы припаркованных вдоль тротуара машин мерцали под матовой серостью ночного неба. Майк прошел вперед, стараясь держаться в тени здания, свернул на другую улицу, такую же тихую и безлюдную, и, заметив нишу между колоннами, устремился туда.

Он сел прямо на асфальт, упершись лопатками в стену и подтянув колени к подбородку. Несколько минут восстанавливал дыхание, а затем оглядел бедро. Темно, а телефона, чтобы посветить, не было – как-то не подумал прихватить его, когда выпрыгивал из окна. Небольшая прореха в джинсах потемнела и намокла от крови, но рана оказалась неглубокой, пуля задела бедро по касательной. Майк прикинул, чем бы перевязать ногу, и только тогда осознал, что

одет, мягко говоря, не по сезону. Куртка осталась в квартире; в пылу погони он не чувствовал холода, но теперь, когда напряжение отпускало, колющий озноб все настойчивее проникал в тело. Далеко ли он уйдет в спортивной мастерке, когда на улице чуть выше ноля?

Надо обратиться в полицию. Знать бы только, где здесь ближайший участок. И людей, как назло, никого, как вымерли все. Колючая волна пробежала по позвоночнику, заставив его поежиться. Ничего, он наверняка встретит патрульную машину, если выберется в более оживленное место. Он встал, поморщившись от прошившей ногу горячей вспышки, и заковылял в сторону мигающего на перекрестке светофора.

Первый же встречный прохожий в испуге отшатнулся от него – Майк даже не успел попросить о помощи. Еще две девушки, явно навеселе, сначала заинтересованно покосились на него, а когда он попросил мобильный, чтобы позвонить, показали ему средний палец и быстро ретировались. Ну и где эти многочисленные добрые американцы, готовые помочь любому, кто попал в постановочную беду со скрытой камерой? Ютуб наводнен роликами об отзывчивых самаритянах, а когда дело доходит до реального человека в реальной беде, его в лучшем случае не пинают!

Майк обнял себя за плечи, стараясь сохранить остатки тепла. Что за сюр, в самом-то деле? Он приехал в незнакомый город и не провел там и нескольких часов, как уже вляпался в неприятности. Обычно он хотя бы знал причины, а сейчас даже примерно не представлял! Может, у Бобби не все так гладко, как он говорил? Может, он малость привирал о своих успешных инвестициях? Вдруг приятель задолжал плохим парням и те подослали киллера для устрашения? Довольно логично, если подумать. Майк как раз находился в квартире, в темноте разобрать лицо сложно, к тому же киллер вообще мог не знать, как выглядит жертва. Бобби жил один, на кого еще мог подумать убийца, увидев спасающегося бегством человека?

Зубы отбивали чечетку, боль в ноге становилась мучительной. Кровь стекала на колено и вниз по голени, неприятно щекоча кожу. Майк увидел неоновую вывеску бара, но тот уже не работал. Он в отчаянии огляделся.

Из-за поворота медленно вырулила патрульная машина. Майк бросился наперерез, боясь не успеть. Он едва ли не упал на капот, заставляя водителя резко затормозить.

Второй полицейский, сидевший на переднем пассажирском сиденье, тут же выскочил из салона:

– Сэр, с вами все в порядке? – и, заметив пятна крови на светлых джинсах, добавил: – Вы ранены? Назовите свое имя.

– Меня зовут Майк Нолан, кто-то стрелял в меня...

– Где в вас стреляли, сэр? Садитесь в машину, вам нужна медицинская помощь. – Коп открыл заднюю дверцу и помог Майку забраться внутрь.

– Я приехал в Бостон сегодня вечером и остановился у друга на Ревере, 72. Кто-то пробрался в квартиру. – Майк перевел дыхание, начиная успокаиваться. – У него был пистолет, мне удалось сбежать через окно.

Второй полицейский показал знаком первому трогаться с места, затем снова повернулся к пассажиру:

– Когда это произошло? Вы разглядели нападавшего?

– Около получаса назад. – Майк откинулся на спинку кресла, с наслаждением ощущая, как разливается по венам тепло. – Было темно, лица я не видел.

– Хорошо, сэр, мы сейчас доставим вас в участок, где вам окажут первую медицинскую помощь, и запишем ваши показания. У вас есть при себе оружие?

Майк отрицательно мотнул головой, и полицейский удовлетворенно кивнул.

На несколько минут в салоне воцарилось молчание, Майк смотрел в окно, прикидывая, сколько времени займет допрос. Завтра в десять утра у него собеседование, и он бы хотел успеть привести себя в порядок.

Машина миновала полицейский участок и проследовала дальше. Майк удивился, но промолчал: вероятно, эти ребята из другого подразделения. В зеркале заднего вида мелькнул цепкий взгляд водителя. Майку не понравился этот взгляд.

– Справа был не ваш участок? – спросил он.

– Нам дальше, – ободряюще ответил второй коп.

Майк не понял, что его встревожило. Не было никаких объективных причин для беспокойства.

– Номер дивизии не напомним?

Водитель еле заметно хмыкнул. Его коллега улыбнулся:

– Триста вторая.

Машина свернула на дорогу, ведущую к хайвею, и прибавила скорость.

Если до их дивизии надо добираться по хайвею, зачем они патрулировали Бикон Хилл?

– Вы можете остановить? – попросил Нолан. – Мне плохо.

– Потерпите до участка.

– Остановите, пожалуйста. – Майк потянулся к ручке двери, когда блестящее дуло пистолета нацелилось ему между глаз.

– Сидеть тихо и не дергаться, – порекомендовал второй коп.

– Да кончай его прямо здесь! – не сдержался его напарник.

Мозг все еще обдумывал ситуацию, а руки уже взметнулись вперед, в открытое окошко стеклянной перегородки, выкручивая сжимавшую ствол кисть. Раздался выстрел, пуля насквозь прошла потолок кабины. Коп вырвал руку из захвата, машина дернулась, и, прежде чем на Майка вновь направили пистолет, он дернул дверь и вывалился из салона прямо на дорогу, кубарем покотившись на обочину. Плечо, принявшее на себя основной удар, взорвалось болью, которая с быстротой лесного пожара распространялась по всему телу.

Покрышки завизжали от резкого торможения, водитель стал сдавать задом, направляя колеса прямо на валявшегося на асфальте человека.

Нолан вскочил, судорожно глотая воздух, перелез через отбойник и побежал по газону, разделявшему две дороги. Он пересек проезжую часть, игнорируя возмущенные гудки и рискуя угодить под колеса, достиг пешеходной зоны и скрылся в первой же подворотне.

Кровь стучала в ушах; было так жарко, будто континентальная осень внезапно сменилась на удушливое тропическое лето. Нолан долго бежал, углубляясь в лабиринты улиц, не имея ни малейшего представления, где находится, пока окончательно не выдохся. В маленьком сквере, укрытом со всех сторон раскидистыми деревьями и высокими кустарниками, он отыскал скамейку, наполовину спрятанную за памятником какому-то деятелю.

Вокруг не было ни души. Ветер постепенно стихал, умиротворяюще шелестя желтеющими кронами. Начал накрапывать дождь. Майк переместился в ту часть скамейки, над которой нависали густые ивовые ветви.

Он не сказал бы точно, сколько вот так просидел, отрешенно буравя взглядом пространство перед собой. Пять минут? Час? В мозгу роились тысячи разрозненных мыслей, голова гудела и казалась тяжелой, будто в темени просверлили отверстие и залили внутрь расплавленный свинец. Майк почти физически ощущал, как металл постепенно твердеет, застывая и распирая череп изнутри.

Что, во имя святого, только что произошло?

Его едва не пристрелили стражи правопорядка, прямо в машине, в центре города? А когда им это не удалось, попытались задавить его?!

Это вообще Бостон, штат Массачусетс, или город из параллельного мира? Может, он умер во сне, и все, что сейчас разворачивается перед глазами, – всего лишь предсмертные галлюцинации, о которых так смачно рассказывают пережившие клиническую смерть? Но где тогда пресловутый белый тоннель и чувство необычайной легкости? Не похоже, чтобы он парил

над собственным телом. Более того, он отлично ощущает, как собственное тело болит и мелко трясется. Уровень адреналина понизился, и организм снова почувствовал холод.

Как бы там ни было, а мокнуть под дождем дальше нельзя. Ему нужна медицинская помощь и теплая одежда. В больнице его без документов не примут, в отель без денег не пустят. Обратиться к другим полицейским? А вдруг они тоже попробуют убить его?

Майк оцепенел, когда мозг пронзила внезапная мысль: все началось с письма! Дурацкой записки, которую подсунули ему в карман куртки. Он не придавал этому значения, а может быть, зря? Что там было? Вспоминай, вспоминай, черт тебя побери, ну же!

«Жду на пересечении Парк-стрит и Тремонт. Все объясню».

Слабая надежда, но лучше, чем ничего. Майк был запутан и растерян, он не понимал, что делать. Если письмо не шутка, не ошибка и действительно адресовано ему, значит, у кого-то имеются ответы.

Парк-стрит и Тремонт. Где это?

Нолан решительно встал и направился к выходу из сквера.

Из дневника В.

Порой одно незначительное событие в корне меняет жизнь, разворачивает ее на сто восемьдесят градусов. Я часто думаю: сложилось бы все иначе, не пойдя я в тот вечер в кино и не оказавшись оно столь безнадежно скучным? Или же судьба все равно настигла бы меня, нашла иной способ осуществить задуманное? Разные дороги могут вести к одному пункту назначения. А может, я фантазирую и придаю слишком много смысла ничего не значащим случайностям? Просто потому, что тяжело смириться с отсутствием высшего замысла, когда ты раз за разом преступаешь границы земной морали и видишь, как это делают другие. Никому не хочется считать себя плохим человеком. Даже исчадие ада, вероятно, оправдывает себя тем, что выполняет Божью волю. Ведь если Бог позволяет чему-то произойти, значит, не возражает против этого, а то и вовсе двумя руками «за»? Так получается?

Мой психоаналитик говорит, что я должна записывать все важные этапы, оставившие во мне глубокий эмоциональный след. Так мне будет легче понять себя, найти ответы на вопросы. Не уверена, нужны ли мне ответы, да и понимать себя хочется все меньше и меньше – ведь конечные выводы могут мне не понравиться. Но я все равно попробую. Я люблю пробовать что-то новое.

Вы, наверное, удивитесь, но росла я в благополучной семье. В моем детстве не случалось драм, которыми пестрят биографии закоренелых преступников или успешных людей, достигших вершины вопреки невзгодам. Родители меня любили, в меру баловали, в меру давали свободу. Я росла самым обычным ребенком. Может, именно это и стало причиной?.. Кому хочется быть обычным? Вот вам, например, хочется? А вам?

Я хорошо училась в школе, дружила с одноклассниками, увлекалась то рисованием, то легкой атлетикой, а одно лето даже активно занималась вокалом – словом, пробовала все, что пробуждало мой интерес. Мы жили в пригороде Денвера, в зеленом районе с дружелюбными соседями, чьих питомцев ты знаешь по именам, а улицы днем будто вымирают – потому что все уезжают на работу в центр. Иногда, когда я решала отправиться

из школы пешком и вышагивала вдоль широченной дороги, то за двадцать минут пути могла и вовсе не встретить ни одной машины. Лишь дикие гуси с неспешной важностью переходили через проезжую часть, вытягиваясь длинной вереницей. Вот это воспоминание: пустая дорога, очертания гор вдалеке и семенящие по асфальту толстые гуси – перво-наперво всплывает перед глазами, когда кто-то просит рассказать о моем детстве. Хотя знаете, я лукавлю. Никто никогда не просил меня рассказать о моем детстве.

Сама не понимаю, зачем углубляюсь в такие дебри. Вряд ли вам это интересно, тем более что никаких значимых событий в столь далеком прошлом нет. Все самое важное случилось гораздо позднее.

Воскресенье

Краснодар, Россия

Вечер был теплый, даже жаркий. По Красной – центральной улице, которую перекрывают на все выходные, превращая в пешеходную зону, – гуляли толпы. Все молодые, красивые, гламурно одетые. Леся сворачивала шею, любуясь каждым прохожим. Она успела позабыть, какое это упоительное, волшебное чувство – находиться среди людей. Она знала, что соскучилась по ним, но не подозревала, насколько сильно. Последние месяцы она жила под куполом, в искусственном мире, где ее все устраивало, где она была большею частью довольна. Леся помнила, что где-то там, за непреодолимым барьером, простирается другая вселенная, которой она некогда принадлежала, но совсем позабыла, насколько свободно там дышится.

И теперь, снова очутившись снаружи, она ощущала бешеную, вибрирующую в воздухе энергию и с ужасающей ясностью понимала, сколь многое упускала. Вероятно, она должна была чувствовать себя уязвимой, как животное, вырвавшееся на волю из заповедника, – но не чувствовала.

Там, в четырех стенах, жизнь проходит мимо тебя, и ты, как зомбированный, этого не замечаешь. Просыпаешься в чистенькой комнате, смотришь на чистенький газон за окном, на кукольные заборчики и одинаковые лица прохожих. Ты все понимаешь, ты делаешь то, что нужно делать. И думаешь: все у меня хорошо. Правда хорошо. И воздух прозрачный, и ветерок мягкий. А потом вдруг открываются ворота, и тебя выносит в дикую природу. Твои легкие разрываются, голова звенит, слезы подступают к горлу – вот оно, оказывается, как можно себя чувствовать. По-настоящему. Как будто ты находился в матрице – и наконец очнулся.

– Ты не устала? – Сильные пальцы коснулись ее локтя. Виктор смотрел с озабоченной нежностью, как глядят ветеринары на хилого, подобранного на помойке котенка.

– Я не устала, – поспешно ответила Леся. – Мне очень хорошо!

На площади играла рок-группа. Четверо молодых ребят на мобильной сцене самозабвенно молотили по струнам. Солист, худощавый парень в яркой рубашке, пел хорошо поставленным голосом. Сквозь расступающуюся толпу медленно ехали сотни велосипедистов – в городе праздновали «велоночь». Над тротуаром мигали гирлянды, и все эти разрозненные элементы – звуки гитар и баритон певца, мерцающие огоньки, колеса велосипедов, счастливые лица людей и высокое, черное южное небо – сливались в невероятную, живую картину, созданную талантливым импрессионистом.

У Леси перехватило дыхание. Ей захотелось закричать, захлопать в ладони от переполнявшего ее восторга. Она мечтала поделиться с Виктором своими эмоциями, объяснить, как осязает ступнями поднимающуюся от земли энергию. Энергия щекочет пальцы ног, плавно скользит вверх, к коленям, и движется к шее, пядь за пядью завоевывая тело, насыщая его. Земля дает ей силы, питает, как питала древнегреческая богиня Гея своего сына Антея одним его прикосновением к почве.

Леся скосила глаза на стоявшего с серьезным лицом Виктора и прикусила язык. Он бы не понял, он никогда не понимал – только притворялся. Большинство людей не способны постичь иное восприятие мира, кроме своего собственного.

– Ты довольна? – мягко спросил Виктор, и Леся вздрогнула: это конец.

– Да, – пробормотала она. – Очень. Спасибо.

– Я хотел, чтобы твой день рождения был особенным.

– Тебе это удалось. – Она взяла его руку и переплела пальцы.

– Нам нужно возвращаться.

– Я знаю.

Он постоял, позволяя ей смириться с мыслью. Потом развернулся и осторожно потянул ее за собой, в сторону парковки, где оставил автомобиль.

– Ты не возражаешь, если я сяду сзади? – спросила она.

– Конечно, нет.

Виктор пискнул брелоком сигнализации, проворно нырнул в салон и завел двигатель. Леся устроилась на заднем пассажирском сиденье и прижалась лбом к стеклу, чтобы мужчина не видел ее лица. К горлу подступали непрощенные слезы, а она не хотела расстраивать его.

Ее окружал странный мир, где никто никого не хотел расстраивать. Когда это началось? Год назад? А такое впечатление, что Леся успела прожить целую жизнь – не свою, а чужую, совсем ей не подходящую.

А может быть, это и не начиналось вовсе, а всегда присутствовало в ней, с самого рождения. Родители – мать тогда еще не заболела раком и не умерла – с уверенностью говорили врачам, что «девочка всегда немного отличалась от других детей. Но не настолько, чтобы это тревожило. Училась она хорошо, со сверстниками общалась прекрасно. В институт поступила сама, без чьей-либо помощи. Иногда случались странные приступы меланхолии, а потом вдруг – как снег на голову – начались припадки...»

Никаких припадков у нее не было. Леся просто видела вещи, которых не замечали остальные. Она смотрела немного дальше и глубже, вот и все. А доктора приписали ей целую кучу отклонений.

Леся это несколько не тревожило. Огорчало лишь то, что ее вынудили взять академический отпуск в институте, а ведь ей там очень нравилось. Она проучилась всего три курса.

С Виктором они познакомились пять лет назад. Он работал на ее отца, начинал как менеджер и постепенно дорос до помощника руководителя. Он был старше ее на девять лет, а вел себя так, словно на девятнадцать. Сдержанный, вежливый, твердо стоящий на ногах, он давно оказывал ей знаки внимания. Лесе это льстило. Влюбленности она не испытывала, лишь симпатию, но его это не останавливало. Он часто куда-нибудь ее приглашал, всегда готовый помочь, развлечь и утешить. Леся привыкла к его постоянному присутствию рядом и не представляла, каково это – не иметь его в своей жизни. Она догадывалась о его чувствах, но не могла заставить себя ответить взаимностью. Может быть, потом, ближе к тридцати, когда она нагуляется и испробует все существующие грехи, они наконец соединятся в прекрасную взрослую пару, с одинаковыми взглядами и осмысленными планами. Так было бы правильно и мудро.

Но что же в итоге? Сегодня ей исполнилось двадцать. Виктор сделал ей предложение, и она, ошеломленная, неожиданно ответила «да». Сюрпризы на этом не кончились. Виктор уговорил ее расписаться сегодня же, и она, будто загипнотизированная, не посмела перечить. Их брак зарегистрировали быстро, без свидетелей и церемоний.

Лесе казалось это забавным сном – ровно до того момента, когда Виктор ее поцеловал. Его губы были осторожными, но настойчивыми, и Леся внезапно осознала, что натворила. Она ведь даже отца не предупредила! И друзей! Она совершила самый импульсивный поступок в своей жизни и не знала, радоваться или грустить.

С одной стороны, перемены – это всегда весело. А с другой – выходило, что ее будущее уже предрешено. И оно совсем не такое, каким представлялось. Виктор считает, что наконец-то добился ее. И хотя они еще не были близки, он уже считал ее женой, своей завоеванной добычей, отныне и во веки веков.

Он смотрел на нее с вежливой заботой и выглядел по-настоящему счастливым, и Леся кольнули угрызения совести за то, что она не разделяет его чувства. Разве новоиспеченная новобрачная не должна светиться от радости и предвкушать медовый месяц? Зачем тогда говорить «да»? Зачем все эти «и в горе и в радости, пока смерть не разлучит», если на самом деле ничего подобного не испытываешь?

Она всматривалась в его строгое лицо и с отчаянием понимала, что никогда не сможет открыться по-настоящему, поделиться своими фантазиями. С Виктором бывало интересно, но говорить с ним по душам она не отваживалась – он принимал все слишком близко к сердцу, тревожился. Виктор чрезмерно серьезно относился к ее болезни и думал, что любое оброненное Лесей слово, выпадающее из внятной схемы, следствие душевного расстройства.

А ведь раньше он умудрялся шутить, и даже удачно, чем здорово ее веселил. Леся вспоминала, как в самом начале знакомства рассказала ему, как поцеловалась с одноклассником. Виктор сидел, насупившись, и молчал.

– Ты чего такой грустный? – спросила она. – Все нормально?

– Ага.

– Скрываешь чувства?

– Скорее ищу их.

Леся украдкой посмотрела на его руки, сжимавшие руль. У него были красивые широкие ладони с крепкими пальцами. Ей хотелось сказать ему, что она по-прежнему не любит его как мужчину и никогда не полюбит. Она испытывает симпатию, привязанность и уважение, но разве этого достаточно? Разве он не заслуживает большего? Разве она сама – не заслуживает? На Лесю снова нахлынуло давящее ощущение утраты контроля над жизнью. Будто все уже решили за нее и летит она, как вертолетик-дрон, управляемый чужой волей...

А из-за чего, спрашивается? Из-за нелепой болезни, название которой все боялись произнести вслух? Из-за того, что в какой-то момент из человека Леся превратилась в хрустальную вазочку, которую лучше хранить в серванте – чтобы не дай бог не разбилась?

Самое омерзительное – она сама начинала терять уверенность, что для нее правильнее. Подчиниться здравому смыслу и заботе профессионалов или взбунтоваться, довериться интуиции? Иногда казалось, что решение очевидно и ей нужна лишь пара минут тишины и ясного ума. Но если с тишиной проблем не имелось, то за свой рассудок Леся бы не поручилась...

Машина въехала на огороженную территорию клиники. Виктор проводил Лесю до приемного отделения и долго держал в объятиях, прежде чем попрощался, перепоручив ее заботам персонала.

Отдельная палата, за которую отец ежемесячно платил немалую сумму, представляла собой маленькую уютную комнату с кроватью, столом, телевизором и отдельной душевой. Большую часть времени Леся читала книги или смотрела сериалы – пользоваться Интернетом пациентам запрещалось. Зарешеченное окно выходило в зеленый двор со стриженными кустарниками и деревянными беседками, сейчас погруженными в сумрак. Лишь мощенные белым камнем дорожки поблескивали под светом фонарей.

В дверь стукнули и сразу вошли – медсестра принесла вечернюю порцию таблеток. Леся послушно взяла стаканчик. Обычно ее обслуживали три медсестры, которых она мысленно называла «молчаливая», «добрая» и «злая».

– Что-то новенькое? – Она положила на язык пилюлю в красной оболочке.

Медсестра улыбнулась. Леся находилась в клинике по доброй воле, и в отличие от других пациентов ее не заставляли широко открывать рот, проверяя, проглотила ли она все таблетки. Да Лесе и в голову бы не пришло противиться лечению. Она хотела выздороветь. Вернуться к прежней жизни.

– Спокойной ночи! – «Молчаливая» медсестра забрала поднос и покинула палату. Леся проводила ее тоскливым взглядом. Ей не хватало общения.

Она долго ворочалась в постели, прислушиваясь к напряженной больничной тишине. Интересно, как отреагирует отец, узнав о ее скоропалительном браке? Скорее всего, обрадуется. Виктор ему нравился. Веки постепенно тяжелели, сознание уплывало, скованное желанной дремой, когда тихий шорох за дверью вырвал Лесю из полузабытья. Она распахнула глаза, мгновенно проснувшись. Бывало, по ночам возникали экстренные ситуации. Например, слу-

чались приступы у буйного пациента, и санитары спешили усмирить его. Но тогда коридор наполнялся шумом торопливых шагов, громко хлопали двери, а шахты вентиляции доносили короткие крики смутьяна, протестовавшего против укола. К подобным звукам Леся привыкла. Именно поэтому ее насторожил необычный шорох – словно кто-то робко скребся в коридоре.

Она осторожно коснулась босыми ногами пола и на цыпочках приблизилась к двери. Постояла секунду, напрягая слух, а затем резко дернула за ручку. Коридор был пуст.

Укоризненно вздохнув – она излишне подозрительна! – Леся закрыла дверь и направилась обратно к кровати. Сон выветрился, и она с сожалением отметила, что в ближайшие пару часов не стоит даже пытаться заснуть. Она села, обняв подушку, и уставилась на вычурный узор светотени на полу и стенах.

Ей вспомнилось, с какой нежностью смотрел на нее Виктор, и она почувствовала угрызения совести. Он достойный мужчина, умный, заботливый. Так, может, зря она держит дистанцию? Виктор ведь ей тоже симпатичен. Да, страсти нет, но разве для семейной жизни она необходима? Неужели Леся поддалась распространенному заблуждению о том, что все ценное не дается легко? Человек не дорожит тем, что приходит к нему само...

Леся скользнула рассеянным взглядом по узкой полосе света под дверью и вдруг заметила на полу листок бумаги. Когда она подходила к двери пятью минутами ранее, то не смотрела под ноги и поэтому не обратила на него внимания.

Она проворно соскочила с кровати и подняла свернутый вдвое листок. Даже в сером сумраке, льющемся в окна, она отчетливо разобрала написанное печатными буквами слово:

«БЕГИ».

Из дневника В.

– Раздеваться не нужно, – с улыбкой сказала я. – Можете снять только пиджак и ботинки.

Мужчина кивнул и сел на массажный стол, с интересом ожидая, что же будет дальше. Я скользнула по нему быстрым взглядом. На вид лет сорок, высокий, с правильными чертами лица – слишком аристократическими на мой вкус. Мне нравятся лица попроще, без признаков утонченного превосходства. Дорогая белая рубашка, запонки. Слабый запах хорошего парфюма.

– Что вас беспокоит? – спросила я, изучая заполненную им форму. Специалистом по мышечной активации я работала первый год и все еще нервничала при встрече с новыми пациентами.

Дональд – так звали мужчину – рассказал, что его тревожит боль в колене во время утренних пробежек. Я провела первичные тесты, чтобы выявить, какие мышцы утратили способность сокращаться, отчего другие компенсировали это и перенапрягались, и принялась за работу.

На тот момент я только начинала свою практику, но уже успела привыкнуть к реакции людей на данную технику. Если у человека болит плечо, то он ждет, что специалист будет производить манипуляции именно с плечом, тогда как логика велит смотреть на организм как на систему и искать причинно-следственные связи. У Дональда болело колено, но к нему я даже не притронулась, работая в основном над областью таза и бедер – именно там крылась проблема, провоцирующая дисбаланс. Люди изумляются, когда видят магию. Несколько тестов, несколько нажатий в определенных точках – и они ощущают мгновенное облегчение. А всего и делов – найти выключенные мышцы и снова запустить их.

Я всегда хорошо чувствовала людей. Иногда мне хватало минуты разговора, чтобы понять, какой передо мной человек, доверять ли ему или лучше держаться подальше. Но тогда я не почувствовала ровным счетом ничего. Всего лишь очередной клиент, пришедший за помощью.

Первое впечатление может обманывать или, наоборот, быть предельно точным. Удивительно, что Дональд не оставил после себя абсолютно никакого впечатления. Я забыла о нем сразу же, едва за ним захлопнулась дверь кабинета. Скажи мне кто-нибудь в тот момент, что с этим человеком меня впоследствии свяжут очень непростые отношения, я бы вряд ли поверила.

Меня всегда возбуждали крепкие парни. Я и специальность вторую получила, по большому счету, для того, чтобы иметь возможность на законных основаниях, с умным видом пальпировать у спортсменов глютеус максимус или лобковый симфиз, ха-ха. Вождение, как один из двигателей саморазвития, сильно недооценивается.

Мне недавно исполнилось двадцать два, и меня интересовали только две вещи: любовь и карьера. И если с первой все обстояло довольно неплохо, то вторая постоянно давала поводы для сомнений. Я отучилась на педагога, но поняла, что не хочу работать в школе. Бегающие и орущие дети, к которым ты не имеешь права применить силу и дать пару затрещин, повергали меня в уныние, а то и вовсе заставляли ощущать собственную беспомощность.

Вместе с двумя девчонками мы снимали трехкомнатную квартиру – родители предлагали оплачивать мне отдельное жилье, но я не хотела висеть у них на шее. К тому же втроем жилось веселее. Мы или ходили на свидания, или сидели перед телевизором с попкорном, обсуждая парней. В тот вечер Линдси и Мими развлекались со своими бойфрендами, и я отчаянно скучала.

Я взяла телефон и пробежалась по контактам. У меня всегда имелась в запасе парочка симпатичных парней, которые могли бы составить компанию. Но в тот вечер мое настроение не располагало к веселью. Вернее, не располагало к веселью с теми, кого я знала. Моя душа требовала свежих впечатлений и новых знакомств. Не считайте меня легкомысленной. Я всегда старалась просчитывать каждый свой шаг и рассуждать рационально. Но в том, что касается сферы чувств, я была немного... ветреной. Кто-то назовет это распушенностью, а кто-то – жадой жить полно, красочно. Но может статься, моя любвеобильность была продиктована обыкновенным страхом упустить что-то важное. Кого-то важного.

Как бы там ни было, а перспектива сидеть в квартире одной меня не радовала. Я быстро оделась и вышла на улицу, окунувшись в теплую влажность летнего вечера. Монотонный шум города и спешащие прохожие действовали на меня ободряюще. Я быстро добралась до ближайшего кинотеатра, купила билет на ближайший сеанс, даже не удосужившись прочитать, о чем фильм. Показывали скучную комедию, в которой не было ни одной смешной сцены. Я продержалась полчаса и ушла.

Многие обожают гулять и с удовольствием бродят по паркам и улицам, глаза по сторонам. Меня же бесцельное шатание угнетает. Мне необходима цель, конечный пункт – только тогда я получу удовольствие от пути. Раз уж мне все равно нечего было делать, я поставила перед собой задачу: найти уютное кафе и выпить вкусный, неприлично сладкий кофе. Я не позволяла себе сладкого уже несколько месяцев и решила себя побаловать.

Я бодро шагала по тротуару, деловито взирая на вывески и заглядывая в окна баров. Наконец меня привлекло одно кафе, и я нырнула внутрь, заняла столик и заказала напиток. На стуле лежал оставленный кем-то спортивный журнал, и я принялась рассеянно листать его. Просматривала страницу за страницей, пока вдруг мой взгляд не задержался на громком заголовке – «Muscle activation techniques¹, революционный метод оценки и коррекции мышечного дисбаланса и нестабильности суставов. Открыт набор на курсы».

Я заинтересованно углубилась в чтение. А спустя час уже заполняла на сайте форму заявки на обучение. Иногда один поступок меняет всю твою жизнь. Редко – тебя самого.

Не пойдя я в тот вечер в кино, не окажись оно безнадежно скучным, я бы не забрела в кафе, не открыла спортивный журнал, не начала практику, не встретила бы Дональда и не стала бы тем, кем сейчас являюсь.

Понедельник

Бостон, Массачусетс

Бедро по-прежнему ныло, но уже не кровоточило. Что по-настоящему раздражало, так это боль в ушибленном плече. При падении он правильно сгруппировался, и только это спасло Нолана от куда более серьезных повреждений, но от сильного анальгетика он бы сейчас не отказался. Впрочем, куда больше его тревожило отсутствие в поле видимости хотя бы одного человека, у кого можно спросить направление.

Он встал у дороги и поднял руку, надеясь остановить попутку, однако не сильно преуспел. За десять минут лишь одна машина притормозила, но водитель тут же ударил по газам, едва разглядев предполагаемого пассажира. Даже без зеркала Майк понимал, что видок у него не самый благонадежный. Он бы и сам не стал останавливаться...

Чтобы хоть как-то согреться, Нолан, прихрамывая, побежал трусцой, стараясь не прислушиваться к творящемуся в голове сумбуру. На одном из перекрестков он остановился на светофоре и заметил курившего неподалеку мужчину. Выглядел тот ничем не лучше самого Майка – грязная одежда, не первой свежести лицо. Вероятно, бездомный. Поймав на себе взгляд, бомж улыбнулся, обнажив желтые зубы, и протянул ему пачку сигарет:

– Угощайся.

– Спасибо, не курю. – Майк подошел ближе. – Не подскажешь, как отсюда дойти до Парк-стрит и Тремонт?

– Тяжелая ночка, да? – понимающе сощурился мужчина.

– Ты даже не представляешь.

– Отчего же, – возразил тот, кивая на выпачканные кровью брюки. – Вполне представляю. Как добраться, подскажу.

Серые громады зданий нависали над безлюдными тротуарами подобно крепостным стенам, визуально сужая без того узкие двухполосные дороги даунтауна. Майк то припускал, то переходил на быстрый шаг, повторяя озвученный бездомным маршрут: направо на Линкольн, налево на Саммер-стрит и вперед на Винтер. Он не останавливался; слышав сирену полицейской машины, сразу уходил в сторону, прячась за массивными клумбами. Майк не знал, правильно ли поступает, но предпочитал не рисковать раньше времени.

Пешеходов почти не попадалось: ночь с воскресенья на понедельник не слишком располагает к разгульному веселью. Минут через пятнадцать Нолан свернул на Тремонт и почти сразу очутился на нужном перекрестке.

Он замедлил шаг, не зная, чего ожидать. Может, он опоздал и тот, кто хотел с ним встретиться, уже давно ушел? Майк огляделся: по правую руку начиналась полоса парка, огороженного декоративным металлическим забором – черные прутья с острыми наконечниками отделяли зеленый оазис от городской суеты. Впереди возвышалась приземистая церквушка с узкими арочными окнами и круглыми часами на башенке.

Майк обошел весь перекресток, ощущая, как поднимается внутри новая волна раздражения. Он пропустил очередной прием прописанных психотерапевтом таблеток, эмоции распирали его, причиняя дискомфорт.

«Жду еще пять минут и иду в полицию!» – мысленно пообещал он себе. Холод становился таким мучительным, что перебивал мысли о возможной угрозе.

В ночной тишине зазвенел чей-то мобильный, заставив Майка вздрогнуть от неожиданности. Он обернулся, но никого не увидел. Ни единой живой души.

Телефон продолжал трезвонить. Звук шел со стороны церкви. Нолан подбежал к крыльцу, ведущему к центральным воротам, – и в это мгновение звонок оборвался. Майк обследовал лестницу и в нерешительности остановился.

Пронзительная трель снова резанула уши. На этот раз Нолан сориентировался быстро. Мобильный лежал сбоку от ступеней, на маленьком клочке земли. Майк перегнулся через перила и дотянулся до телефона, помещенного в прозрачный целлофановый пакет. На белой наклейке значилось его имя.

Если у него и имелись сомнения насчет того, кому адресован звонок, то теперь отпали. Он нажал на кнопку и поднес телефон к уху.

– Майк, это ты? – Хрипловатый женский голос говорил быстро. – Отвечай живее!

– Кто это?

– Слушай меня внимательно и не задавай вопросов, – затараторила женщина. – Тебе нужно немедленно убираться оттуда. В квартиру не возвращайся, найди другое место, чтобы переночевать. В полицию не обращай, они заодно. Обходи уличные камеры...

– Кто это говорит? – перебил ее Майк. – И кто заодно с полицией? Что вообще происходит? Внятно объясни!

– На улице тебя мгновенно вычислят. Не оставайся долго на одном месте! Слышишь, Майк? Это важно! Следующий сеанс связи утром. Постарайся не умереть.

– погоди, что значит... – Его фраза так и повисла в воздухе. В трубке раздались гудки, заставив Нолана громко выругаться. Он хотел перезвонить, но вызов был сделан со скрытого номера. Он набрал Бобби, однако звонок не прошел. Он нажал 911 – с тем же результатом. Телефон не работал на исходящие звонки.

Чертыхнувшись, Нолан сунул аппарат в карман и побрел в сторону Ревере – по крайней мере, он представлял, как туда добраться. Кем бы ни была эта бешеная дамочка, адекватностью там и не пахло. Нолан все больше склонялся к мысли, что это какой-то невероятный дорогуший розыгрыш. Когда все закончится, он засудит долбаный телеканал! Эти уроды раскошелятся за причиненный моральный ущерб.

Внутри закипала ледяная, разъедающая злость. Он почти сожалел, что в эту минуту никто не нападает на него, – с каким бы упоением он размял кулаки! Собственно, он никогда не отличался терпением. Вывести Майка из себя не представляло большого труда, чем Викки с упоением пользовалась. Ей нравилось доводить его до белого каления.

– Обожаю, когда ты злой, – говорила она, призывно облизывая губы.

Когда Майка едва не коротило от нервного напряжения, Викки, тонко чувствуя приближение черты, за которую лучше не переступать, мгновенно расслаблялась. Садилась в кресло с похабной полуулыбочкой или запрыгивала на стол, недвусмысленно раздвигая ноги... Все еще желая придушить подружку, Майк подскакивал, подминая ее под себя, и применял единственно доступный для обоих вариант мести. Многие люди как будто сами создают температуру вокруг себя. Рядом с Викки всегда было жарко.

Воспоминания лишь сильнее разозлили Нолана. Он снова вернулся в холодную, пробирающую до внутренностей реальность, в которой отсутствовал какой-либо смысл.

«Спокойно, – мысленно уговаривал себя Майк. – Эта дурацкая ночь когда-нибудь кончится. Сейчас тебе нужно попасть в квартиру, принять душ и переодеться, а дальше посмотришь по обстоятельствам».

Он миновал «Кожгалантерею Хелен», проскочил мимо ресторана «Хангри ай», бакалеи Йозефа и свернул на улицу Ревере. Лишь подойдя к подъезду дома Бобби, он понял, что не сможет попасть внутрь: ключи остались в куртке. Майк громко выругался. Ему бы не составило труда выломать обе входные двери – старые и хлипкие, – но тогда он бы разбудил весь дом и привлек к себе нежелательное внимание. Попробовать проникнуть в квартиру через окно, тем же путем, что выбрался? Тоже отпадает. Пожарная лестница заканчивается метрах в трех от земли, прыгнуть с нее реально, а вот забраться – не очень.

Он стоял перед дверью, играя желваками и до хруста сжимая кулаки. Холод сводил с ума, а ветер, хоть и не столь порывистый, как несколькими часами ранее, но столь же назойливый

и ледяной, выдувал последние остатки нерешительности. Майк развернулся и побежал вниз, к улице Чарльз. Через пару сотен метров он остановился, натянул до глаз воротник толстовки, и быстрым шагом подошел к витрине маленького магазинчика. В углублении, освещенные тусклыми лампами, маячили два манекена. На одном висел нарядный женский костюм и тонкий вязаный шарфик, а на втором – стильная мужская куртка и вельветовые брюки. Майк недавно проходил мимо этой витрины, но тогда еще не достиг нужной кондиции. Теперь он не колебался.

Камней и других подходящих предметов на чистеньком, словно продезинфицированном тротуаре не валялось. Нолану не оставалось ничего другого, как резко выбросить локоть вперед, разбивая стекло. Осколки со звоном посыпались на землю, завопила охранная сигнализация. Он дотянулся до манекена, сдернул куртку и шарф и рванул с места, прижимая к груди украденные вещи.

Он пробежал три квартала, затем свернул в укутанный деревьями переулок и остановился, тяжело дыша. Затем надел куртку – она села идеально, словно дожидалась именно его, – туго перевязал раненую ногу шарфом и пошел медленно, как добропорядочный гражданин, возвращавшийся домой после долгих посиделок в баре.

Настроение немного улучшилось – как будто в благодарность за заботу, организм щедро поделился порцией серотонина. Случившееся воспринималось чудовищным, но забавным недоразумением, суть которого непременно выяснится при наступлении утра. Но до утра оставалось еще несколько долгих часов, и Майку следовало подыскать подходящее место для ночлега.

Его внимание привлекли стоявшие на пустынной парковке несколько школьных автобусов, а точнее, самый крайний. Майку показалось, что окно со стороны водителя приоткрыто. Он подошел ближе: так и есть! Уставший от галдящих школьников шофер позабыл полностью задвинуть стекло и поспешил после смены домой, не удосужившись проверить окно. Нолан мысленно поблагодарил его за рассеянность.

Пришлось повозиться, прежде чем у него получилось дотянуться до язычка блокиратора двери и потянуть его вверх. Он буквально ввалился в салон и какое-то время просто полулежал на переднем сиденье, наслаждаясь покоем. Конечности наливались тяжестью, веки смыкались сами собой. Майк мотнул головой, прогоняя дрему. Прежде чем позволить себе короткий сон, следовало сделать еще кое-что.

Он порывлся в бардачке и вытянул аптечку. Перебрался назад, на сдвоенное сиденье, снял джинсы и осмотрел задетое пулей бедро. Рана выглядела плохо, но почти не кровоточила. Он нашел в аптечке антисептик и вату, обработал рваные края раны, заклеил лейкопластырем, а сверху обмотал бинтом. Снова надел брюки, заглотнул таблетку обезболивающего, залив ее нашедшейся в дверце со стороны водителя минералкой, и только тогда откинулся на спинку, вытянув ноги на соседнее кресло.

В первый же вечер они с Викки нагрянули к ней домой, предварительно затарившись в магазине вином и закусками. Викки сразу же отправилась в душ и вернулась пятью минутами позже, переодевшись в короткие шорты и простую белую майку, под которой не было бюстгалтера. Ее красивая, средних размеров грудь отчетливо просвечивала под тонкой тканью, и Майк мысленно поздравил себя с удачной находкой. Недостатка женского внимания он не испытывал, но такую аппетитную красотку не встречал давно.

Оба понимали, с какой целью сюда пришли, но оба намеренно оттягивали момент: когда убежден в успешном финале, прелюдия не утомляет, а распаляет интерес. Они сидели на низком диване, потягивая вино из бокалов, и Майк пожирал глазами ее стройные ноги, чувствуя нарастающее возбуждение.

А потом откуда-то снизу загрохотала классическая музыка, и Викки сердито фыркнула:

– Опять эти гады включили свой патефон! Я еще не видела новых соседей, но они меня уже бесят!

– Я сейчас все улажу. – Майк поднялся и вышел на лестничную клетку, не дав Викки опомниться.

Когда он вернулся, в квартире стояла умиротворяющая тишина.

– Ух ты, круто. – Викки провела кончиком языка по накрашенным красной помадой губам. – Быстро ты.

– Пришлось применить силу, – объяснил Майк, усаживаясь обратно на диван.

– Челюсти поломал?

– Да не, просто ребром ладони по горлу полоснул.

– Трахею нахрен разнес? – хихикнула Викки, поддерживая игру.

– Не разнес. Все нормально, без последствий. – Майк задумался. – Скорее всего. Ста-рушке-то лет под семьдесят. У нее еще трубки кислородные из носа торчали...

Викки на мгновение умолкла, ошарашенно хлопая ресницами, но заметив, как дрогнули уголки его губ, заливисто рассмеялась:

– А ты молодец, я почти поверила!

Где-то за окном угадывался тихий шорох шагов. Они муравьями просачивались в вос-поминание, незаметно видоизменяя изначальную картинку, перекраивая ее. И снова Майк не осознал, а скорее почувствовал присутствие чего-то инородного, нарушающего гармонию полусна. Он открыл глаза, моментально проснувшись, и приподнялся на локтях, вглядываясь в темноту за окном.

Двое мужчин шли по парковке, останавливаясь у каждого автобуса и светя в окна фона-риком. Он пригнулся, прикидывая дальнейшие действия. Он не успел понять, вооружены ли они; один из них точно держал что-то в руке – но был ли это пистолет, нож или второй фона-рик, Майк не разобрал. Может, это охраняемая парковка и сторожа заметили, как кто-то про-брался в автобус?

Он снова вытянул шею, оценивая обстановку. Двое приближались к нему; между ними оставался всего один автобус. Тот, что шел впереди, внезапно указал на окно водителя.

Вот черт! Майк так обрадовался, когда пробрался внутрь, что забыл закрыть его!

Второй кивнул и подобрался, обхватив двумя руками пистолет, – теперь сомнений не оставалось.

Внутри автобуса было темнее, чем снаружи, – только благодаря этому они не увидели, как Нолан тихо сполз на пол и подобрался к двери. Он затаил дыхание, прислушиваясь. Осторож-ные шаги почти вплотную приблизились к автобусу; теперь его и нападавших разделяла лишь тонкая пластина двери. С той стороны чьи-то пальцы легли на ручку и надавили на механизм. Едва раздался тихий щелчок, Майк отклонился назад и со всей силы толкнул ногами дверь, впечатывая ее в лицо противника.

Он выпрыгнул из салона и едва успел увернуться от кулака – второй кинулся в атаку, пока его напарник приходил в себя от удара, согнувшись и обхватив ладонями голову. Майк добавил ему локтем в основание черепа, тут же переключил внимание на другого – и весьма вовремя: тот уже поднимал пистолет, целясь ему в грудь.

Нолан сместился с линии огня, шагнув влево-вперед.

«Если на вас направили оружие, уходим в сторону, хватаем левой рукой ствол, правой бьем в сгиб кисти с оружием, левой выворачиваем пистолет от себя и вырываем из захвата».

Эту комбинацию они отработывали до потемнения в глазах, спасибо капитану.

«Прием, доведенный до автоматизма, однажды спасет вам жизнь».

Они тренировались, как проклятые, в обстановке, приближенной к боевой. Их готовили к экстремальным ситуациям, их учили стрелять в людей. Ему даже довелось поучаствовать в

нескольких военных операциях. Но сейчас Майк Нолан впервые прижимал дуло пистолета к виску живого человека. И это было совсем не то, что целиться в размытые силуэты врагов.

– Не двигаться! – угрожающе прошипел Майк, когда второй нападавший дернулся вперед. – Иначе я прострелю ему голову. А потом – твою.

Он сильнее придавил предплечьем горло своей жертвы, не убирая пистолет от его головы.

– Почему вы пытались меня убить?

– Тише, тише, парень, – примиряюще забормотал громила, поднимая руки вверх и демонстрируя открытые ладони. – Успокойся, пожалуйста.

– Почему вы пытались меня убить? – угрожающе повторил Майк, начиная терять терпение.

– Никто не пытался тебя убить! – Мужчина осторожно шагнул ближе, не опуская рук. – Мы всего лишь осматривали парковку, когда ты сам на нас налетел!

Он мягко улыбнулся и сделал успокаивающий жест рукой, будто пытался усмирить разозленного пса.

– Мы не хотим проблем. А, Джоуи? Мы ведь не хотим проблем?

Мужчина, которого Майк держал на прицеле, издал жалобный звук, призванный подтвердить, что проблем они действительно не хотят.

– Опусти пушку, парень, и разойдемся по-доброму. Ты ведь не собирался красть автобус, да? Мы друг друга не поняли.

Нолан колебался, не зная, чему верить. Ночка выдалась ненормальной, и, возможно, он и сам перестал адекватно соображать. Вдруг эти двое и в самом деле не думали на него нападать? Он был на взводе, к тому же спросонья мог истолковать происходящее превратно. Он внимательно всмотрелся в лицо стоявшего напротив мужчины, словно пытался прочесть его мысли. Тот терпеливо ждал, давая Нолану время принять верное решение.

От напряженной позы ушибленное плечо свело судорогой, и Майк стиснул зубы, чтобы не скривиться от боли. Викки часто иронизировала над его импульсивностью; говорила, что он сперва реагирует, а потом думает.

– Отойди назад, – приказал Нолан. – Отойди назад и держи руки на виду.

– Хорошо, – согласился мужчина, отступая на несколько шагов. – Только давай без глупостей, а?

– Еще дальше! – гаркнул Майк, когда тот остановился.

– Ладно-ладно, только не горячись!

Когда противник отошел на приличное расстояние, Нолан оттолкнул от себя его напарника и медленно отошел к краю парковки, не опуская оружия. Он испытывал искушение прихватить пистолет с собой, учитывая обстоятельства, но не хотел навлечь на себя еще больше неприятностей. Майк велел двоим повернуться спиной, быстро протер пистолет рукавом толстовки, избавляясь от своих отпечатков, запульнул его на другой конец парковки и рванул в переулок.

Часы показывали начало пятого. Город еще спал, и лишь поэтому никто не косился на подозрительного пешехода в окровавленных джинсах, явно избегавшего освещенных участков дороги. Мысли в голове путались, но Майк отлично понимал, что единственная беспроблемная опция – это попасть в квартиру, переодеться, взять сумку и документы и свалить оттуда подальше. Снять номер в ближайшей гостинице (бог с ними, с деньгами), привести себя в порядок, смотаться на собеседование, а потом уже обратиться в полицию. Пусть разбираются в этом чудовищном недоразумении, а он будет ждать отклика от работодателя и надеяться, что его кандидатура подойдет.

Пару часов он переждал на скамейке в парке, стараясь успокоиться, а затем направился к дому Бобби. Он топтался у дверей минут двадцать, пока первый жилец наконец не вышел на улицу. Майк нырнул внутрь, взбежал по лестнице, остановился напротив квартиры и подергал

ручку – заперто. Несколько секунд постоял, а затем со всей силы пнул дверь ногой, выбивая хлипкий замок. С Бобби он объяснится позже.

Он обежал все комнаты, проверил шкафы – никого. Ночной гость, кем бы он ни был, покинул квартиру, не оставив после себя следов. Нолан умылся, выпил воды и сел, переводя дыхание. И только тогда понял, что не видит своих вещей. Ни бритвенного набора на умывальнике, ни спортивной сумки, ни брошенного на пол свитера. Он вскочил и снова обыскал все комнаты, сантиметр за сантиметром. Два стула, раскладной стол. На полу, экраном вниз, плазменный телевизор. В углу спальни – матрас и две подушки. Весь нехитрый скарб, принадлежавший Бобби, остался. Пропали только его, Майка Нолана, вещи. Телефон, документы. Как будто он никогда прежде не заходил в эту квартиру.

Он вернулся в кухню и замер у закрытого окна, засомневавшись в собственной адекватности. Сделал несколько глубоких вдохов, пытаясь унять подступающую панику. Майк Нолан боялся двух вещей. *Первая – сойти с ума.*

Нет-нет. Он в здравом уме. Произошедшее было слишком ярким, слишком реалистичным для галлюцинации. Он нормальный, здоровый человек, попавший в странную ситуацию. Нужно постараться собрать воедино все детали, и рано или поздно картинка сложится, ответ найдется.

«Соберись же!» – мысленно приказал он и едва не хлопнул себя по лбу. Точно! В него стреляли, когда он сбегал через окно. А значит, должны остаться следы от пуль. Он кинулся к стене, миллиметр за миллиметром изучая поверхность. И почти сразу же заметил замазанное белой штукатуркой отверстие. Работу выполнили наспех, но довольно качественно. Если не знать, где искать, можно пропустить. Нолан перевел взгляд на оконную раму и обнаружил вторую дыру, тоже заделанную.

Напрашивались два вывода. Он не сходит с ума – это хорошо. Его преследуют неизвестные – это плохо.

Утреннее солнце заполняло закоулки Бикон Хилл, просачиваясь в окна и обещая погожий день. Майк обшарил все шкафы в надежде отыскать какую-нибудь одежду, но, кроме полотенец, ничего не нашел. Чертов Бобби, мог бы оставить хотя бы спортивные штаны. Как ему выйти на улицу в подобном виде?

Он забрался под горячий душ, осторожно промыл и заклеил рану на бедре – в шкафчике в ванной валялись антисептик и лейкопластырь. Застирал кровь на джинсах – пятно полностью не исчезло, но уже не привлекало внимания. Просушил мокрое место полотенцем, натянул еще сырые брюки. И хотя Нолану не удалось отдохнуть, почувствовал он себя намного лучше.

Теперь добраться до полицейского участка, связаться с работодателем, объяснить форс-мажор, попросить перенести собеседование на другой день. Все будет хорошо. Пусть копы выполняют свою работу и разгадывают загадки.

Часы в телефоне показывали восьмой час. Майк вышел из квартиры в тесный коридор и уже двинулся вниз по лестнице, когда услышал, как скрипнула уличная дверь. Казалось бы, ничего особенного – жильцы просыпались и спешили на работу, – но чутье заставило Нолана остановиться. Он колебался не дольше секунды, а затем тихо поднялся на пару пролетов вверх и замер, прижавшись к стене. Лучше быть параноиком и ошибаться, чем довериться миру и сдохнуть ни за что ни про что.

Кто-то не спеша поднимался по лестнице. Старый палас приглушал шаги. Майк готовился к тому, что в пролете вот-вот покажется седая макушка и старичок из квартиры этажом выше, с теплым, только что купленным багетом под мышкой, удивленно поздоровается. Кто-то остановился на площадке у квартиры Бобби, и сразу же раздался негромкий щелчок выключаемого предохранителя пистолета.

Пульс мгновенно участился, но Майк не позволил себе запаниковать. Кто бы ни вернулся в квартиру, он наверняка решит проверить лестничные пролеты, а значит, медлить нельзя. Спуститься незамеченным вряд ли удастся: разошедшиеся доски лестницы скрипят.

Нолан задержал дыхание и ринулся вниз, перепрыгивая через несколько ступеней. На улице он сразу же свернул в переулок, потом в еще один и побежал, не оглядываясь, пока не начал всерьез задыхаться. Наконец он позволил себе остановиться и согнулся, упершись ладонями в колени. Похоже, ему удалось оторваться от погони.

Он привалился спиной к шершавой кирпичной стене и какое-то время стоял, восстанавливая дыхание. В этот момент в кармане брюк зазвонил мобильник.

– Майки, чертов ты придурок, ты поперся в квартиру? – раздался в трубке уже знакомый женский голос. – Я же тебе говорила туда не возвращаться. Найди себе другое убежище, да побыстрее!

– Я не знаю, кто вы такие и что вам от меня нужно, – с холодной яростью проговорил Нолан. – Я иду в полицию.

– Нельзя тебе в полицию, – огорченно протянула незнакомка.

– Почему?

Повисла пауза.

– Почему мне нельзя в полицию? – повторил Майк, борясь с раздражением. Лимит его терпения почти исчерпался, кроме того, его бесил фамильярный тон собеседницы.

– Найди телевизор и включи местный канал, – сказала она и отключилась.

Нолан выругался на потухший дисплей. Кто-то задумал играть с ним в странные игры, не объяснив правила и заставляя чувствовать себя дураком, – чего он терпеть не мог.

Ладно. Все по порядку. Ситуация абсурдная, но какая-то логика в ней есть. Судя по всему, баба из телефона на его стороне. По крайней мере, ее предупреждение не возвращаться в квартиру имело основания. В таком случае ему следовало прислушаться к ее очередному совету. А там уж он сам примет решение.

Мимо проехали двое велосипедистов. Вдалеке послышался вой машины парамедиков. Из лабиринтов улиц доносился мерный бой башенных часов. Город просыпался. Майк прикинул, в какую сторону идти, и двинулся на шум оживленного перекрестка. Сейчас, когда солнце щедро рассыпало лучи на мощенные булыжником улицы, Бостон выглядел приветливым, вылизанным, как фотография в глянцевом журнале. Слово с наступлением утра злые чары развеялись, и взору предстала истинная красота. Было сложно поверить, что буквально пару часов назад Нолан в отчаянии блуждал по мрачным подворотням, вздрагивая от любого шороха и в каждом прохожем видя врага.

Пиццерия «У Джованни» уже открылась. Майк остановился у широкой прозрачной витрины, украшенной цветами, и невольно сглотнул слюну. Огромная аппетитная пицца (тонкое поджаренное тесто, хрустящий бекон, крупно нарезанные шампиньоны, зеленые оливки, густой слой расплавленного сыра), казалось, даже через стекло источала дурманящий аромат. Нолан ничего не ел со вчерашнего вечера и здорово проголодался. Но мысли о еде придется отложить на потом. Он заметил внутри работающий телевизор, толкнул дверь, звякнув колокольчиком, и прошел в помещение.

От запахов съестного закружилась голова. Майк взял меню и попросил переключить телевизор на местный новостной канал. Молодой смуглый официант жизнерадостно кивнул.

Сначала крутили бесконечную рекламу, затем пошли скучные сюжеты.

Массачусетс признан лучшим в стране штатом по условиям труда преподавателей средней школы. К такому выводу пришли эксперты журнала «Валлехаб», проанализировав легкость в трудоустройстве, уровень зарплат, бюджет на каждого студента. Кроме того, в пятерку передовых штатов вошли Вирджиния, Миннесота, Вайоминг и Нью-Джерси.

Представители Бостонского общественного комитета по здравоохранению пытаются найти женщину, контактировавшую с летучей мышью, у которой впоследствии выявили бешенство. Женщина подобрала раненую мышь в районе Джамайка Плэйн и отнесла ветеринарам, а на следующий день анализ подтвердил, что животное заражено.

В список самых богатых граждан США, по версии журнала *Forbs*, вошли несколько жителей Бостона. Так, например, Абилай Джонсон, главный управляющий компании «Фид-элити», заняла 31-е место с состоянием 14,2 миллиарда долларов. Немного отстают председатель компании «Нью Баланс» Джим Дэвис и владелец компании «Бридженс» Джереми Олсен, на их счету порядка пяти миллиардов долларов.

– Вы готовы сделать заказ? – поинтересовался официант.

В столь ранний час Майк был единственным посетителем.

– Дайте мне еще пару минут, – попросил Нолан, не переставая следить за новостями.

– Только что нам поступила срочная информация, – сообщил ведущий. – Сегодня ночью в районе Бикон Хилл на стоянке школьных автобусов неизвестный совершил вооруженное нападение на охранников, один из которых скончался на месте от огнестрельного ранения в голову. Нападавший – молодой белый мужчина, приблизительно 180–185 сантиметров, был одет в светлые джинсы и коричневую кожаную куртку. Составлен фоторобот преступника. Просьба всем, кто видел предполагаемого убийцу, немедленно связаться с полицией.

На экране появился компьютерный портрет, и Нолан похолодел. Сходство было не феноменальным, но довольно точным и не ускользнуло бы от цепкого наблюдательного взгляда.

– Прошу прощения. – Майку стоило невероятных усилий сию же секунду не вскочить с места и не кинуться к выходу. – Я передумал. Что-то есть расхотелось.

На телеканале сменилась заставка, начали передавать прогноз погоды. Осадков не ожидается, воздух прогреется до 15 градусов тепла.

Он медленно поднялся из-за стола и покинул пиццерию, следя за тем, как бы не рухнуть на подгибающихся ногах. Вокруг творилось что-то немыслимое, мозг генерировал одну гипотезу за другой, но внятная картина все равно не складывалась.

Один охранник скончался на месте от огнестрельного ранения в голову?

Давай, Майк, ты же не конченный псих, ты отлично помнишь, как все было. Ты оборонялся, отобрал пистолет, а затем выбросил его, ни разу не выстрелив. Так, черт побери? Откуда же взяться убитому охраннику? Может, он как-то насолил своему напарнику и тот решил избавиться от него, когда подвернулся шанс, а вину свалить на другого? Возможно, хоть и маловероятно. За последние сутки произошло слишком много маловероятного.

Проезжающая мимо машина резко засигналила – Майк едва не угодил под колеса, выйдя на дорогу и даже не заметив этого. Он отпрыгнул обратно на тротуар и огляделся по сторонам. На автобусной остановке четверо человек, все с наушниками, что-то изучают в телефонах, на их лицах обреченность от необходимости куда-то ехать в такую рань. Хозяин маленького магазинчика подметает и без того чистый порог, потом исчезает внутри и вскоре появляется с лейкой, чтобы полить стоящие у входа цветы в горшках. Студент в мешковатых брюках сворачивает в тупик, достает сигарету и долго пытается прикурить – зажигалка никак не высекает искру. Цокает каблуками молодая девушка в красных колготках и синей куртке, но яркий наряд, похоже, не улучшает ее настроения – она чем-то озабочена и спешит, мрачно глядя себе под ноги.

Обычные, нормальные люди со своими проблемами. Майк сильно сомневался, что кто-то из них всю ночь скакал по городу раненым оленем, спасаясь от преследования. Вечно у него все через одно место...

Мобильник в кармане брюк ожил, завибрировал. Нолан поспешно поднес его к уху.

– Ну как, убедился, что мне можно доверять? – Голос незнакомки звучал нахально.

Майк шагнул к фонарному столбу и привалился к нему спиной – внезапно навалилась усталость, ноги отяжелели. Вся его агрессия и гнев куда-то улетучились; хотелось только одного: узнать, кто все это затеял и когда его оставят в покое.

– Алло, Майки, ты там? – заволновалась собеседница на другом конце провода. – Ты там случаем в обморок бухнуться не собираешься? Я бы тебе не советовала.

– Объясни мне, что происходит, – попросил он лишенным интонаций голосом.

– Что происходит? Я объясню тебе, если ты до сих пор не понял. – Она помолчала. – Тебя хотят убить. Каждый человек в этом городе – твой потенциальный убийца. Это может быть случайный прохожий, продавец в магазине, остановившийся на светофоре водитель, полицейский, у которого ты спросишь дорогу. Твоя задача – продержаться неделю. Семь дней, слышишь, Майки? Не спрашивай меня о причинах. Я не могу тебе их назвать. Пока не могу.

– Что за...

– Семь дней, – перебила его незнакомка. – Постарайся выжить, пожалуйста, до следующего понедельника, – и положила трубку.

Нолан поднял растерянный взгляд и встретился глазами с наблюдавшим за ним мужчиной на автобусной остановке. Застигнутый врасплох, тот поспешил снова уткнуться в дисплей телефона.

«Каждый человек в этом городе – твой потенциальный убийца».

По спине пробежал холодок. Майк развернулся на сто восемьдесят градусов и быстро зашагал прочь – непонятно куда, лишь бы подальше.

Слова девчонки ситуацию не прояснили, но кое-что до него все-таки дошло: происходящее не игра больного воображения, не случайное совпадение, не ошибка. Кто-то действительно выбрал Майка в качестве мишени и собирается планомерно преследовать его. Судя по всему, в дело вовлечено несколько человек. Зачем, почему и какие у них ресурсы – об этом Нолан поразмышляет позже. А сейчас необходимо обезопасить себя, найти временное убежище и пищу. Может, его и собираются убить, но без еды он сдохнет без их помощи.

Ему было не по себе, но страха он не испытывал. Страх возникает, когда не знаешь, чего ждать. А Нолан теперь отлично знал, чего ждать – чего угодно.

Ажурная решетка беседки скрывала Нолана от посторонних глаз, при этом позволяла заметить любого, кто пожелал бы приблизиться к его временному убежищу. Ему нужно было подумать, понять, как действовать дальше, а это местечко в дальнем уголке парка подвернулось как нельзя кстати.

Он сидел на деревянной скамье под тенистым навесом и впервые за последние сутки чувствовал относительное спокойствие. Солнце разыгралось по-летнему, явно превысив обещанные синоптиками плюс 15 градусов. Наконец-то Майк не дрожал от холода и даже немного расслабился – насколько это было возможно в сложившейся ситуации. Ему посчастливилось найти питьевой фонтанчик и утолить жажду. Даже чувство голода на время притупилось.

Вдалеке, на пронизанной солнцем лужайке, компания подростков играла во фрисби. Два парня и две девчонки, одна из которых задорно визжала каждый раз, когда ловила тарелку. Чуть левее, на огороженной площадке для выгула собак, бегали две черные собаки, то ли ротвейлеры, то ли питбули – их хозяин бросал мячик, и те наперегонки пускались за игрушкой. Эта картина выглядела умиротворяющей, как реклама минивэна, где обязательно присутствует идеальная семья и чудесная погода. У них с Викки никогда не было ничего подобного. Ей нравились отношения с перчинкой, от любых проявлений семейной рутины она зевала и даже не пыталась этого скрыть. Не то чтобы Майк возражал против острых развлечений, но иногда ему хотелось просто поваляться на диване, посмотреть телевизор или съездить на озеро с любимой девушкой, полюбоваться закатом.

– Ты еще слишком молодой, Майки, чтобы любоваться закатами, – обычно язвила Викки, услышав его предложение. – У тебя будет для этого целая старость. А пока есть энергия, нужно

накапливать впечатления и добавлять в свою жизнь драйва, – как можно больше драйва! – С этими словами она улыбалась своей похабной полуулыбочкой, способной пробудить самые грязные желания даже у железного дровосека.

Интересно, как бы она отреагировала, узнай о его нынешних приключениях. Небось подняла бы большой палец вверх в знак одобрения и захотела бы присоединиться. Она была больной на всю голову, его Викки. Может, поэтому и нравилась ему так сильно. А может, потому, что трахалась с огоньком.

Бомжеватого вида старик, судя по нетвердой походке уже успевший с утра принять на грудь, плелся по тропинке между деревьев. Возле пышного кустарника фотографировалась парочка. Молодой мужчина и женщина прижимались друг к другу, делая селфи, меняли локацию и снова фотографировались – вместе и по отдельности.

Викки тоже просила Майка щелкнуть ее на телефон каждый раз, когда выходила из душа голая, с мокрыми волосами.

Стоп.

Что делать бомжу в практически безлюдном парке? Попрошайничать здесь, в отличие от оживленной городской улицы, не у кого, а на созерцателя природы он не похож. Майк метнул внимательный взгляд в старика. Да с чего он вообще решил, что это бомж? Из-за неряшливой одежды? Можно подумать, он сам выглядел лучше. Да и не старик тот вовсе. Лет шестьдесят от силы. У них в армии пятидесятилетний капитан подтягивался тридцать раз без рывков и мог свалить подготовленного молодого бойца одним ударом в табло.

Нолан мгновенно собрался, не сводя глаз с бесцельно шатавшегося среди деревьев незнакомца. Могло статься, это была паранойя чистой воды, но в свете недавних событий гарантий он бы не дал. Несколько минут Майк наблюдал, ожидая от потенциального противника активных действий, но тот продолжал кружить в небольшом отдалении от беседки – не уходя и не приближаясь. Вполне возможно, тот не рисковал нападать при свидетелях, поэтому Майк поднялся со скамьи, постоял, не обращая на себя внимания, и углубился в небольшую рощицу. Старик двинулся следом, держась на приличном расстоянии.

– Простите, пожалуйста, вы нас не щелкнете? – Та самая пара новобрачных (Нолан заметил у них на пальцах одинаковые золотые кольца) неожиданно появилась из-за мохнатой туи. Светловолосая девушка, лет двадцати пяти на вид, смущенно протянула Нолану маленький фотоаппарат.

Боковым зрением Майк заметил, что его преследователь остановился.

– Да, конечно.

Парень с девушкой обнялись, приняв романтическую позу. Майк сделал пару кадров.

– Спасибо большое!

Девушка взяла протянутую камеру и тут же стала проверять получившиеся снимки, листая кадры на дисплее. Бомж, постояв в задумчивости, нырнул в беседку. Майк выдохнул, осознавая свою ошибку. Никто его не преследовал, бомж всего лишь караулил, когда освободится местечко под навесом.

Майк скорее почувствовал, чем увидел, занесенную у своего плеча руку и резко отклонился в сторону. Новоявленный муж, несколько секунд назад беспечно позировавший на камеру, потерял равновесие, но тут же снова предпринял попытку воткнуть ему в плечо шприц, который зажал в кулаке. Майк перехватил его запястье и выкрутил, вынуждая разжать кисть. Лицо нападавшего исказила гримаса боли, но и сам Майк едва не застонал, когда получил под колени хлесткий удар телескопической дубинкой.

Он успел послать мощный хук в лицо противника, выиграв пару мгновений, и обернулся, чтобы отшвырнуть набросившуюся на него девицу.

Это была самая странная драка в его жизни, напоминавшая нападение двух мартышек на медведя. Парочка сильно уступала ему в физической подготовке, но проявляла чудеса упор-

ства. Майк бил парня, тот валился на землю, стараясь дотянуться до упавшего в траву шприца. Девчонка ходила кругами, отвлекая внимание на себя, то бросалась в ноги, то насакивала сверху, – и все это в полной тишине, без единого звука. Совершенно нереальная сцена: вот они, влюбленные молодожены, смеются, светятся нежностью и вдруг по щелчку теряют человеческий облик и нападают на него.

Большого вреда они причинить не могли – у них не имелось при себе оружия, а драться они не умели. Майк собирался посильнее припечатать парня, тряхнуть девицу и задать ей пару вопросов, но сообразил, что бомж заметил потасовку и заинтересованно выглядывает из беседки, а хозяин ротвейлеров-питбулей позвонил по телефону, кивая в их сторону, а потом решительно перелез через ограду площадки и двинулся напрямик через лужайку в их направлении.

Нолан оттолкнул девчонку, предварительно отобрав дубинку, и рванул прочь из парка.

Из дневника В.

А с другой стороны, может быть, человек не меняется? Возможно, новые обстоятельства просто высвобождают то, что всегда таилось внутри и лишь поджидало удобного случая, чтобы проявиться во всей красе? Сейчас я кажусь себе умнее, сильнее, интереснее, чем несколько лет назад. Я стала лучшей версией себя самой – хотя любой пастор, решив исповедаться, пришел бы к обратному заключению, уличив меня в грехопадении. Но что такое грех как не способ познания мира?

Вы задумывались о том, чего по-настоящему желаете? Денег? Власти? Любви? Мне всегда хотелось чего-то смутного, не поддающегося определению. Приключений? Да, отчасти. Избранности? Способности идти дальше, чем большинство? В том числе. Но не ради протеста как такового. Протест – всего лишь одна из форм самоутверждения. А мне хотелось не самоутверждаться, а просто жить – весело и упоительно.

Меня со страшной силой увлекает тема апокалипсиса, только не теологического характера, а природного. Фильмы про астероиды, пандемию, инопланетных захватчиков, землетрясения и прочие цунами – это то, отчего у меня потеют ладони и горят глаза. Стоит ли говорить о том, что масштабность моих снов просто зашкаливает – это обязательно раскалывающаяся земля, реки магмы и драматические прощания. Самое занятное, что в таких кошмарах я никогда не испытываю страха, не убегаю, не мечтаю спастись. Я чувствую комфорт и небольшое волнение, словно я долго стремилась к цели и наконец та замаячила на горизонте. Не знаю, что мое подсознание пытается мне донести. Может быть, то, что я и так уже давно поняла?

Апокалипсис. Меня возбуждает даже одно звучание этого слова. Неудивительно, что и свою собственную жизнь я постаралась сделать максимально на него похожей.

Меня вообще часто тянет порассуждать на грандиозные, философские темы. Мы часто спорили с Дональдом о таких понятиях, как хорошее и плохое. Чего больше в природе человека – склонности творить добро или причинять зло? Во что бы превратился мир, не сдерживай его рамки морали и законов? В какую сторону качнулась бы стрелка весов? Да и как, собственно, объективно оценить, что такое хорошо, а что плохо?

– Нельзя заикливаться на чем-то одном, – любил рассуждать Дональд, разместившись в мягком кресле и вытянув длинные ноги. – Однообразие ведет в тупик. Когда все время творишь добро, то неизбежно черствеешь. Посмотри хотя бы на докторов, ежедневно спасающих чьи-то жизни. Приходилось ли тебе беседовать с ними по душам? Это страшные люди! Они способны абстрагироваться от величайшей драмы – потому что величайшие драмы для них рутина, окружающая их атмосфера. Нельзя заполнять себя добром до самой макушки. Нужно ограничивать количество добра, приносить в свою жизнь какой-то противовес. Добро должно доставлять тебе удовольствие (как и все, что ты делаешь), а это возможно лишь в том случае, когда добро – это фрагмент, хобби, а не монотонный труд, не работа.

– А мне нравятся добрые люди, – обычно возражала я. – Они трогательные и предсказуемые.

Дональд смотрел на меня с улыбкой – он знал, что я разделяю его позицию.

Понедельник

Краснодар, Россия

Леся проснулась рано. Солнце уже взошло, рассеивая по палате прозрачное сияние, но еще не припекало. Зной начнется после полудня, и чтобы удержать прохладу от работающего кондиционера, окно придется закрыть. Леся зевнула и потянулась, садясь на постели. И тут же вспомнила о лежавшей на прикроватной тумбе записке. Леся взяла ее и снова перечитала, чувствуя приятное возбуждение – хоть какое-то приключение в унылой лечебнице.

«Беги».

Очень многозначительно. Сразу возникают три вопроса:

1. В буквальном или переносном смысле «беги»?
2. Кто это написал?
3. Зачем?

Леся понимала, что, скорее всего, это чья-то шутка, но от скуки стремилась придать происшествию больше значения, чем оно заслуживало. Чисто теоретически подбросить послание мог какой-нибудь пациент из тех, кому разрешалось свободное перемещение. Леся прикинула, кто бы подошел на роль шутника, но ни одно предположение не выглядело жизнеспособным. С другой стороны, это все-таки психиатрическая клиника.

Она поднесла руку к лицу, чтобы откинуть упавшую на глаза прядь, и оцепенела. Обручальное кольцо! Вчера она вышла замуж! Как же она могла позабыть? Кольцо было самое простое, гладкое, тонкое, из желтого золота. Именно о таком она всегда и мечтала. Что у нее в голове щелкнуло, если она дала втянуть себя в такую авантюру? Ведь это серьезный шаг, а серьезных шагов Леся стремилась избегать.

Воспоминания о вчерашнем дне расплывались, смазывались, будто подернутые туманом. Цельная, последовательная картина не восстанавливалась, в памяти всплывали лишь отдельные фрагменты. С чего все началось? Утром позвонил отец, поздравил ее с днем рождения и посетовал, что не может прийти, потому что находится за семь тысяч километров от нее. Он пообещал, как только вернется из деловой поездки, сразу же навестить свою дочурку. К полудню приехал Виктор, они сели в машину, после чего воспоминания утрачивали свою четкость. Глупо и странно. Больше странно, конечно. У Леси бывали свои причуды, но рассудок ее не подводил, что бы там ни заявляли врачи.

Она покрутила кольцо, позволяя солнцу играть на его гранях. Виктор хороший. Очень. Но они друг другу совсем не подходят! Леся взяла мобильный и долго колебалась, прежде чем набрать номер. Она должна попросить у Виктора прощения и объяснить ему, что совершила ошибку, поддавшись на его уговоры. Брак необходимо расторгнуть.

– С пробуждением! – «Добрая» медсестра без стука вошла в палату, неся стаканчик с таблетками. – Как вам спалось?

– Хорошо, спасибо. – Леся отложила телефон, решив, что позвонит позже, когда наберется храбрости и подберет правильные слова. Нужно сделать все мягко, чтобы не ранить Виктора слишком сильно. Она поступила легкомысленно и заслуживает порицания, но, в конце концов, всегда можно оправдаться помутнением разума. В психиатрическом учете есть свои плюсы.

Она проглотила таблетки.

– Спускайтесь на завтрак, – напомнила медсестра и покинула палату.

Леся неохотно встала, умылась, оделась и вышла в длинный широкий коридор. Здесь всегда горели электрические лампы – окна располагались в самом конце, отчего коридор напоминал мрачный подземный тоннель. Леся спустилась на первый этаж, в столовую. Большинство пациентов не покидали свои палаты, многих из них Леся ни разу не видела – только слы-

шала во время рецидивов их болезни. Остальные пациенты лечились на санаторных условиях – обедали в общей столовой, пользовались библиотекой и кинозалом, выходили на прогулки.

Леся взяла порцию овсянки с вареным яйцом, булочку с чаем и уселась за столиком возле окна. Обычно в это время ее уже поджидала Марго – молодая женщина, лечившаяся от депрессии после двух попыток суицида. Она была немножко странной, грустной и какой-то пришибленной. Не то чтобы они сильно общались – в иные дни Марго не выходила из своей палаты, – но когда у обеих совпадало настроение, они обсуждали погоду или фильмы, делились планами на будущее. О прошлом Марго не рассказывала, а Леся не настаивала. Было очевидно, что для нее это неприятная тема.

Сегодня Марго отсутствовала. Леся pokrutila головой, надеясь увидеть ее за другим столиком, но в столовой Марго не было. Леся поела без аппетита – ей хотелось поведать своей знакомой о вчерашнем приключении. Позвонить подругам она не могла – те мгновенно напрягались, словно опасаясь, как бы ее болезнь не передалась им через телефонную трубку. Занятно, только попав в клинику, Леся поняла, что друзей-то у нее, собственно, и нет.

Через пару часов в расписании стоял персональный сеанс у психолога, а вечером – групповые занятия. У Леся имелась уйма времени, которое следовало чем-то занять. Она наведалась в комнату отдыха и, не найдя там Марго, поднялась на второй этаж. Остановилась у палаты номер семнадцать и деликатно постучала. Ответа не последовало, и Леся, краснея от собственной наглости, тихонько приоткрыла дверь и заглянула внутрь.

Марго полусидела на койке и неподвижно смотрела в пространство. Леся не сразу заметила странность ее напряженной позы и, лишь подойдя ближе, увидела скрывавшие ее запястья ремни.

– Марго? – Леся шагнула ближе и вздрогнула от резкого оклика за спиной.

– Что вы здесь делаете? Вам нельзя здесь находиться! – «Злая» медсестра стояла в проеме двери, буравя ее суровым взглядом.

– Раньше нам разрешали заходить друг к другу в палаты, – проблеяла она, растерявшись. – Что с ней случилось?

– Немедленно покиньте палату! – приказала медсестра. У нее были круглые, широко расставленные глаза, вздернутый нос и выступающий подбородок, отчего ее лицо напоминало морду брабансона.

Медсестра угрожающе покачнулась и шагнула вперед. Леся стушевалась и прошмыгнула мимо нее в коридор, опасаясь, как бы та не вцепилась в нее своими челюстями. Некоторые люди рождаются для того, чтобы пугать других.

Она преодолела небольшое расстояние до своей палаты и нырнула внутрь, судорожно захлопнув дверь. Запереться изнутри было нельзя – однако сам факт того, что она находится в помещении одна, мгновенно успокоил ее. Всего лишь иллюзия защищенности, но иногда достаточно и ее.

Леся подошла к окну. Во дворике было пусто, лишь у ближней скамейки семенили голуби, клюя хлебные крошки. Это Федор Михайлович с утра уже успел поделиться с ними угощением. Сухонький тихий старичок, бывший преподаватель литературы, воображал себя писателем Достоевским. Хлопот он врачам не доставлял, мирно прогуливался по территории, обдумывая новый роман, и лишь иногда, робко спросив разрешения, мог зачитать наизусть отрывок из «Идиота» или «Братьев Карамазовых» и поинтересоваться мнением.

Тридцатью минутами позднее Леся сидела в кабинете психолога, в мягком глубоком кресле, больше располагающем ко сну, нежели к оживленной беседе. Медлительный, пожилой доктор с добрыми глазами расспрашивал ее о самочувствии, просил поделиться мыслями. Его звали Петр Петрович, но она мысленно переименовала его в Пепе.

– Вас что-то тревожит? – с благожелательной улыбкой предположил он, машинально водя пальцами по гладкой поверхности стола, обходя стопку бумаг и карандаши, будто ласкал ее.

– Что-то случилось с Марго...

– С Марго? – Его добрые глаза сощурились, и на долю секунды в них сверкнул хищный интерес.

– Женщина с депрессией.

– Да, я догадываюсь, о ком вы говорите. – Он многозначительно кивнул. – Так что с нею случилось?

Леся замешкалась, подбирая слова:

– Ее зачем-то привязали к кровати, хотя она никогда не проявляла агрессии! Мы с ней всегда мило беседовали. А сегодня я пробовала с ней заговорить, но она не отреагировала. Только пялилась в пространство стеклянным взглядом.

Доктор перестал водить пальцами по столу, взял карандаш и что-то быстро записал на листке.

Леся умолкла, и мужчина поспешно поднял голову:

– Продолжайте, я вас внимательно слушаю. Вы ведь знаете, что можете быть со мной абсолютно откровенны.

Не то чтобы Лесе сильно хотелось откровенничать, но какие еще варианты у нее имелись? Чтобы поскорее выйти из клиники, она должна сотрудничать и позволять специалистам делать свою работу.

– Меня это испугало и огорчило.

– Почему?

– Почему? – Леся помолчала. – Потому что она мне небезразлична, я хорошо к ней отношусь. И я не вижу поводов, чтобы к ней применяли те же методы, что к буйным пациентам.

Они разговаривали в течение часа, и, когда сеанс закончился, Леся с трудом встала с кресла. Последние минуты она сидела как на иголках, воображая, как шершавая ткань обивки прирастает к ее бедрам и спине, словно хищное кресло пыталось удержать ее, не дать уйти.

До обеда она читала, по несколько раз возвращаясь на предыдущую страницу, потому что плохо вникала в суть написанного. Пообедала внизу, недолго погуляла во дворе – было слишком жарко. Несколько раз набирала номер Виктора, но тут же сбрасывала, не понимая, чего по-настоящему хочет. Раньше она не была такой нерешительной. Возможно, ее болезнь накладывала свой отпечаток...

Ей нечасто требовалась чья-то компания. Леся не страдала от одиночества, и собственное общество не тяготило ее. Но даже неисправимому интроверту иногда требуется поговорить по душам. Жаль, что родители не подарили ей сестренку. Они бы стали лучшими подружками и делились сокровенными тайнами, понимали бы друг друга с полуслова.

Леся попыталась представить, как бы выглядела ее родная сестра. Наверное, так же, как она сама: невысокая, русоволосая, с губами чуть тоньше, чем нужно, с широкими скулами, высоким лбом и слегка раскосыми, «пьяными» серыми глазами. Только характерами они бы отличались. Сестра непременно была бы веселой и энергичной, постоянно тянула бы Лесю за собой. Леся бы сопротивлялась и делала вид, что недовольна, но про себя жмурилась бы от удовольствия. Она не считала себя ведомой – у нее было собственное мнение и принципы, – но бросаться вперед, прокладывая дорогу в неизученном пространстве без проводника не решилась бы.

Эта фантазия испортила ей настроение. Сестры у нее никогда не будет. А единственная приятельница, с которой она сошлась, превратилась в тыкву.

После групповых занятий, где чокнутые изображали нормальных людей и нормальное общение, Лесю навестил Пепе и сообщил, что с завтрашнего утра они попробуют новое лечение.

– А что, старое не работает? – удивилась она. – Я чувствую себя хорошо.

– Вам не о чем беспокоиться, – уклончиво ответил тот. – Предлагаю вам хорошенько выспаться, чтобы встретить новый день со свежими силами.

Перед тем как раздеться и лечь в постель, Леся позвонила отцу. Он не взял трубку, и она вспомнила, что не учла разницу во времени. Это в Краснодаре всего девять вечера, а у отца уже середина ночи.

Ее взгляд упал на свернутую записку, которую вчера кто-то просунул под дверь. Интересно все-таки, кто ее написал? Может быть, Люцифер из 205-й палаты? Любопытный персонаж. Привлекательный парень лет тридцати, посмотрелся сериалов про сверхъестественное и вообразил себя королем ада. Правда, Люцифер из него получился нестрашный, даже симпатичный.

– Я не творю зло, не совращаю людей на дурные поступки, – с грустью объяснял он. – Люди делают собственный выбор, а я лишь наказываю их за ошибки – и то лишь потому, что Отец заставил меня выполнять эту черную работу. Думаешь, кто-то согласился бы править преисподней по собственной воле? Я тоже был не согласен. Но разве он... – Люцифер вскидывал глаза к потолку, – разве он учитывает наши желания? Я единственный, кто попробовал проявить своеволие, доказать, что имею право на собственное мнение, и мы все видим, чем это закончилось. Я вынужден тысячелетие за тысячелетием иметь дело с самыми худшими из людей, выдумывать для них мучения и тратить на них все свое время. И никого не волнует, что я, быть может, предпочел бы более интересные занятия. Серфинг, например. Ты когда-нибудь каталась на серфе? – спрашивал Люцифер, и в этот момент его печальное лицо светлело.

Леся говорила бы с ним почаще, если бы он не повторял одно и то же изо дня в день. Нет, не стал бы он писать записку. Это ниже его достоинства. В его стиле было бы подойти и с надрывом Гендальфа крикнуть: «Бегите, глупцы, бегите!»

Укутавшись в одеяло, на грани яви и сна, Лесе припомнилась утренняя сцена в палате Марго. Психолог спросил, почему ее так напугало произошедшее, и она ответила не совсем честно. Она испугалась не потому, что хорошо относилась к Марго и переживала за нее – вернее, не только поэтому. Леся боялась сама оказаться на ее месте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.